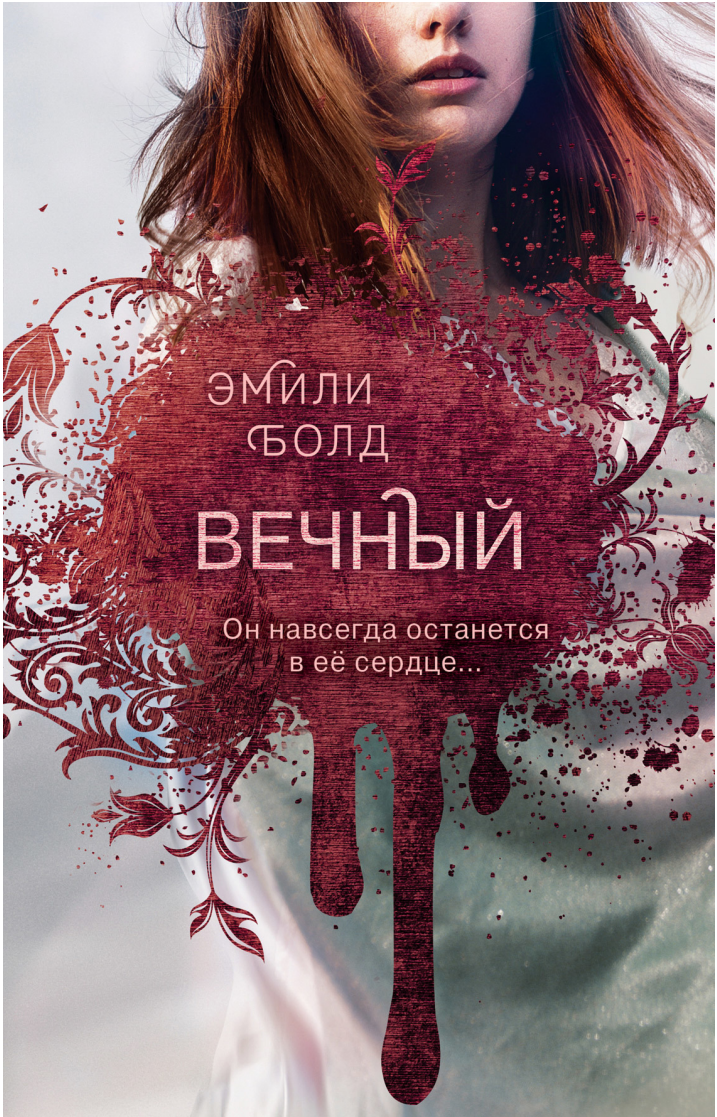
ЭМИЛИ
БОЛД
ВЕЧНЫЙ
Он навсегда останется
в её сердце...

Эмили Болд

Вечный

Серия «Проклятие вечности», книга 3

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51857584
Вечный / Эмили Болд: Эксмо; Москва; 2020
ISBN 978-5-04-110693-5

Аннотация

Судьба вернула им любовь, которая была сильнее времени и пространства…

Саманта мечтает лишь об одном: наслаждаться счастьем вместе с Пейтоном. Однако прошлое отравило их чувства. Совершенно случайно в одной из старых церквей она обнаруживает портрет девушки, которая как две капли воды похожа на нее. Потрясенная странной находкой, Сэм пытается узнать о незнакомке больше. Но девушка еще не догадывается, что этой картине суждено разрушить ее жизнь.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	10
Глава 2	27
Глава 3	31
Глава 4	45
Глава 5	53
Глава 6	72
Глава 7	88
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Эмили Болд
Вечный

Пролог

Шотландия, 1740

Луна окутала своим серебристым светом пологие холмы шотландского нагорья. Натайра Стюарт вздрогнула, соскользнув с седла рядом с безжизненным телом Ваноры. Никто не знал, что она вернулась обратно. Никто не понял бы этого, да она и не хотела, чтобы кто-то понимал. Белое одеяние Ваноры казалось светлым пятном среди темных скал, которые стали ее смертным одром. Натайра опустилась на колени и обхватила руками умершую.

Всего несколько часов назад она прикоснулась к этой женщине – своей матери – в первый раз. В момент своей смерти Ванора схватила ее руку – руку убийцы? Или руку дочери?

Натайра сглотнула. Неужели она и правда смогла бы вонзить кинжал в грудь своей собственной матери, если бы узнала правду раньше? До сих пор казалось нереальным, что эта женщина действительно была ее матерью. Но, осознав это, она почувствовала глубоко внутри себя силу, унаследован-

ную от ведьмы. Силу, существование которой она сохранит в тайне. Ей хотелось бы иметь возможность спросить свою мать об этом новом чувстве внутри себя.

Слезы текли по ее щекам. «*Mo nighean. Mo gràdh ort*», – раздавались в ее голове последние слова Ваноры. Значит, ведьма любила ее? Почему она никогда не показывалась ей? Почему она не сопротивлялась, когда Натайра вонзила ей *Sgian dhub* в сердце? И почему ведьма все-таки произнесла проклятие?

Вся в слезах, она сидела рядом со своей бездыханной матерью, как девочка, которой она была, когда ненависть мачехи и жестокость отца превращали каждый день ее жизни в ад.

Через некоторое время Натайра вытерла слезы. Она чувствовала, как проклятие набирает силу, как оно тянется к ней своими холодными лапами, забирая у нее боль. С каждым разом ей дышалось все легче.

Девушка глубоко вдохнула, позволив прохладному высокогорному воздуху проникнуть в легкие и оживить разум. Туман поднялся из травы и окутал ее фигуру.

Когда чуждая сила завладела ее мыслями, перед мысленным взором Натайры всплыло воспоминание. Она увидела себя – в самый тяжелый момент своей жизни:

– Ребенок? Что ты имеешь в виду? У тебя будет ребенок?

Натайра вытерла слезы с глаз, не желая, чтобы Аласдер Бьюкенен видел ее боль. Неприкрытая радость в его голосе

заставила ее ужаснуться еще больше. Тихо, почти не желая, чтобы он понял ее слова, она ответила ему:

– Нет, Аласдер, у меня не будет ребенка. Ты бросил меня, и я должна была принять решение. Я сделала выбор в пользу брата – и против тебя, и против ребенка.

Аласдер схватил ее за плечи, которые только что так нежно поглаживал, и безжалостно встряхнул:

– О чем ты говоришь? Я никогда не бросал тебя! Я последовал приказу твоего брата! А теперь расскажи мне, что ты сделала, или, клянусь богом, я за себя не отвечаю!

Натайре не составило труда распознать в Аласдере гнев, унаследованный от предков, яростных и смертоносных викингов. Она боялась его. И в то же время она любила его так мучительно, что презирала себя за то, что сделала с ним.

– Отпусти меня! Убери от меня свои грязные пальцы! Я сделала все, что нужно, чтобы не породить на свет бастарда! Ты слишком много вообразил себе, викинг, когда подумал, что место в моей постели равносильно месту в моем сердце. Моя любовь и верность принадлежат только одному человеку – моему брату.

Охваченный болью и гневом, Аласдер схватил Натайру за горло, словно не желая больше слышать ни единого злобного слова. Она знала, что разрушила его будущее и вырвала у него сердце из груди.

Мужчина сжал горло крепче, как будто наслаждаясь ее сопротивлением и болью.

Аласдер опустил голову для последнего поцелуя, прежде чем ослабить хватку вокруг ее горла, и, прижавшись к ее мокрой от слез щеке, пробормотал:

– Надеюсь, твой брат отвергнет тебя, когда его союзник заметит в первую брачную ночь, что его прекрасная невеста уже была в объятиях другого.

Затем он прижал ее к стене, где Натайра, задыхаясь, осела.

Она схватилась за горло, отплевываясь и кашляя, болезненно втягивая спасительный воздух в свои горящие легкие. Ненависть вспыхнула в ее взгляде, и в небе над ними сверкнула яркая молния. Она бросила вызов своей судьбе. Если он убьет ее, она все равно уже умерла вместе с его ребенком.

– Моя брачная ночь тебя не касается, но, когда я вылезла из постели Блэра, у него не было причин жаловаться.

Эти слова заставили Аласдера поднять на нее руку.

– Ты ударил меня! – выдавила Натайра, задыхаясь, и схватилась за щеку. – Но знаешь что, Аласдер? Боль пройдет, угаснет. Как и все, что когда-либо было между нами!

Сквозь завесу слез она видела, как их любовь уходит во тьму, и молилась о жизни без боли. Без всяких чувств – как легко можно было бы тогда жить.

Натайра открыла глаза. Она покачала головой, отрицая правду, чтобы прогнать воспоминание.

– Màthair!

Неуверенно она погладила умершую по щеке, убрав в сто-

рону белые волосы. Натайра задавалась вопросом: смогла бы она что-то почувствовать к этой женщине, если бы все вышло иначе? Ванора, вероятно, любила ее, услышала ее невысказанное желание и сделала ей неизмеримый подарок. Силы справедливой ведьмы. Стихающая боль и угасающие чувства были ей желанны, после всех страданий, которые пришлось испытать в течение всей своей жизни.

Топот копыт приближающейся лошади заставил Натайру подняться. В ее темно-зеленом лифе зиял разрез, а юбки, которые она надорвала для борьбы, прилипли к бедрам. Ветер убрал ее длинные черные волосы с лица и донес до ее ушей голос человека, который был ее жизнью. Человека, который одновременно ненавидел и любил ее, единственного, который будет оплакивать ее смерть и направит свой меч на кровавую месть.

Его большой силуэт вырисовывался на фоне холмов нагорья, и Натайра бросила последний взгляд на тело своей матери.

– Ты здесь, чтобы отпраздновать свой триумф, дорогая? – спросил Аласдер с едва сдерживаемой горечью.

– Хорошая догадка, викинг! Я вернулась, чтобы забрать свой кинжал, но он исчез, – объяснила Натайра, не удостоив Аласдера особым вниманием. – Что тебе надо здесь? Грабить мертвецов, как это делали твои предки? Убивать и устраивать поджоги? – с вызовом сказала она ему.

– Закрой рот! Каталь послал меня проведать тебя, а мы

всегда делаем то, что приказывает твой брат, – неважно, чего нам это стоит, да?

Натайра улыбнулась. Она чувствовала себя сильной с тех пор, как ощутила в себе силу ведьмы. Словно между ней и воином не было ни ненависти, ни предательства, она подошла к нему и положила руки ему на грудь.

– Ты не его орудие, Аласдер… – шепнула она ему на ухо, – а мое. – Она поцеловала его и почувствовала, как напряглись мышцы мужчины и ускорился пульс. Натайра думала, что он оттолкнет ее от себя, но этого не произошло.

– Поверь мне, викинг… нашей боли больше не будет, – она положила руку на его сердце и прижалась своим лбом к его, – и наше время придет. Мы воссоединимся. Я знаю это, потому что чувствую в себе силу, которая…

Аласдер с такой силой оттолкнул ее от себя, что она пошатнулась и рухнула на землю. Мужчина повернулся к ней спиной и вскочил в седло. Затем посмотрел на нее сверху вниз.

– Ты думаешь, что знаешь нашу судьбу? – закричал он. – Ты ошибаешься, Натайра! Я больше не обнажу свой меч ради женщины. Для нас, дорогая, во всей вечности больше не осталось счастья.

Натайра смотрела ему вслед, но не видела воина: это были образы, которые стояли у нее перед глазами, как видение. Это образы того времени, которое еще не наступило…

Глава 1

Эдинбург, наши дни

Такси свернуло за угол, и я украдкой смахнула слезу с уголка глаза, перестав махать рукой. Видеть, как мои родители уезжают, оказалось тяжелее, чем я ожидала.

Пейтон положил руку мне на талию и притянул к себе.

– *Mo luaidh*, с тобой все в порядке?

Я кивнула. А что я должна была сказать? Не лучший момент для сомнений. Не должно быть вообще никаких сомнений! Я в Эдинбурге, у Пейтона Маклина, шотландца, которому я обязана своей жизнью и которого люблю больше всего на свете. Мы столько всего вынесли, преодолели такие препятствия, которые невозможно постичь разумом, и победили врагов, которые явно хотели нашей смерти.

Все это произошло за последний год.

Теперь лето снова уступило место осени, и время постепенно затягивало наши раны. От спасительного пореза кинжалом, на котором оказалась кровь ведьмы Ваноры, на груди Пейтона осталась лишь едва заметная линия.

Даже мой ужас от воспоминаний поблек. Правда, я никогда не забуду своего путешествия в прошлое, хотя опасности,

которой я там подвергалась, в моей новой жизни не было.

Я улыбнулась Пейтону, пытаясь понять, как он себя чувствует теперь, когда мы официально живем вместе. Несмотря на то что темные солнцезащитные очки скрывали его золотистые глаза, он выглядел довольным.

– Пойдем внутрь? – спросил он, указывая головой на дверь.

Я кивнула, и он нежно поцеловал меня в лоб. Потом юноша бесцеремонно поднял меня и перенес через порог, что было немного неловко, ведь мы еще не были молодоженами.

– Не грусти, Сэм. Это ведь не прощание навсегда, – попытался успокоить меня Пейтон, но его слова словно бередили рану, которая никак не хотела затягиваться.

Черт, я настоящая развалина! Я постаралась храбро улыбнуться и зарылась лицом в его грудь, чтобы он не видел моей боли. Никогда бы не подумала, что именно он может стать причиной моей грусти. И все же это было так.

Мы любили друг друга – больше, чем это вообще возможно. Мы с Пейтоном были предназначены друг для друга, в этом нет сомнений. Каждый из нас посмотрел в глаза смерти ради другого. У нас было одно – нет, даже два проклятия, и наша любовь прошла через само время.

Двести семьдесят лет Пейтон ждал, что снова увидит меня, чтобы разрушить любовью проклятие, сотворенное ненавистью. Эти годы не прошли даром и изменили его. Я понимала это, потому что за время моего путешествия во време-

ни я узнала и полюбила Пейтона, которым он был до того, как проклятие Ваноры лишило его чувств. Я сглотнула, потому что, как всегда, когда я думала об этом, мое горло сжалось.

– Я люблю тебя, Пейтон, – заверила я его. – Я всегда буду любить тебя, и если я могу остаться с тобой, то…

– Сэм, то luaidh, успокойся. Ты же сама сказала, тебе здесь не место. Завтра в это же время мы уже доберемся до хижины, а до тех пор я хочу побыть с тобой. Небо послало мне тебя, чтобы я мог вынести свою участь, а поэтому давай не будем оглядываться назад, чтобы не растрачивать время попусту.

– Но, Пейтон, если бы ты знал, что я сделала, то…

– Нет, Сэм. Неважно, что ты сделала, и неважно, что сделал я. Вина и ненависть не смогут затмить единственное, что у меня осталось.

Если бы я продолжила размышлять о том, насколько велика моя вина в его проклятии, его судьбе и его страданиях, то я провела бы первый совместный вечер в нашей квартире вся в слезах.

Пейтон закрыл за нами дверь уютной комнаты в старом доме, не отпуская меня.

– Что нам теперь делать, Сэм? – прошептал он мне на ухо, поворачиваясь к загромождавшим гостиную коробкам с вещами.

– Следует ли мне позаботиться об этом… – он повернулся, и теперь мы смотрели в сторону спальни, – или мне нужно позаботиться о тебе? – спросил он, и уголок его губ хитро вздрогнул.

На сердце сразу же стало легче. Я должна была наконец научиться жить со своей виной, так же как и Пейтон со своей. Я обвила руками его за шею и поцеловала.

– Завтра приедут Шон и Эшли, они могут помочь нам распаковать вещи, – предложила я, указав на спальню, где все еще витал тяжелый запах свежей краски.

Пейтон торжественно перешагнул порог и мягко опустил меня на кровать. Он лег рядом со мной, сдвинув свои солнечные очки на взъерошенные волосы.

Его взгляд, как всегда, был серьезен и вместе с тем нежен. Мне хотелось бы, чтобы этот взгляд не причинял мне боли. Я сглотнула, пытаясь избавиться от комка в горле, но мне это не удалось.

С каждым днем после событий на кладбище рядом с *Aulda ´chruinn* вина давила на меня все сильнее. Слова Пейтона из того времени сводили меня с ума: «Только теперь я понимаю, как был потерян во времени без тебя».

Что же я наделала, с ним и со всеми остальными…

Я видела боль в его глазах и знала с того момента, что мое вмешательство в прежнюю жизнь Пейтона было лишь причиной его безмерных многовековых страданий.

Я поднесла руку к щеке юноши. Под пальцами была гру-

бая щетина, когда я поглаживала шрам, который остался у него после моего путешествия в восемнадцатый век.

Я снова поцеловала его, но неприятное ощущение не покидало меня.

«Саманта Уоттс, возьми себя в руки и оставь прошлое в покое!» – попыталась успокоиться я. Если Пейтон смог это сделать, почему мне было так трудно?

Я прижалась к нему теснее и погрузилась в наш поцелуй. Я должна была почувствовать его настолько близко, насколько это возможно, потому что в моем сердце поселился страх.

Неважно, что ты сделала, и неважно, что сделал я. Вина и ненависть не смогут затмить единственное, что у меня осталось.

Мы никогда не говорили о том, насколько сильно я изменила его прошлое, – и, наверное, никогда не смогли бы. Я боялась, что он не сможет меня простить, но все это я делала только ради него. И это знание тяготило меня так же, как и вина. Правда, до сих пор мы вместе преодолевали любое препятствие, но в итоге между нами стояло столько же невысказанного, сколько и боли.

– Я люблю тебя, Сэм, – пробормотал Пейтон где-то у моей шеи, и я знала, что это правда. Мои руки скользнули под его рубашку, и я стянула ее через голову. Кожа Пейтона была теплой, его запах таким знакомым, а сердце билось в унисон с моим.

– Я тоже люблю тебя, – прошептала я и закрыла глаза,

чтобы скрыть свои слезы.

* * *

Мы завтракали за импровизированным столом из коробок, когда в дверь постучали.

Мне нравился этот звук. Он был гораздо приятнее, чем пронзительные современные звонки. А кованый лев, держащий в своей пасти кольцо для того, чтобы стучать в дверь, запомнился мне с самого первого посещения этой квартиры. Высокие потолки, просторные окна и искусная лепнина на стенах гостиной сразу очаровали меня, в то время как Пейтону особенно понравилась старая напольная керамика.

Я поспешила к двери, потому что плитки, которые так нравились Пейтону, обжигали мои босые ноги холодом. Я была босиком, потому что коробка с теплыми носками куда-то подевалась.

– Привет! Входите!

– Привет, я принесла кофе из магазинчика на углу. – Эшли зашла с дымящимися стаканами в квартиру, и я услышала, как она жалуется Пейтону на беспорядок.

– *Madain math*, – пробормотал брат Пейтона Шон, внося за собой чемоданчик с инструментами и упаковку пленки. Оказавшись в гостиной, он бросил все на пол и вытер пыльные руки о джинсы. – Беспорядок такой же, как и вчера, – отметил он и покачал головой, а Эшли, которая между

тем удобно устроилась на старом сундуке Пейтона с одеждой, сказала:

– Когда я переехала к тебе, мы даже не успели застелить постель, прежде чем…

Пейтон вскочил и тем самым прервал рассказ моей кузины. Я вполне могла себе представить, как эти двое набрасываются друг на друга. То, что Шон после долгого периода бесчувственности во время проклятия обрушил все свои чувства на мою хорошенькую белокурую двоюродную сестру, меня не удивило. Наверное потому, что очень серьезно они относились друг к другу. На самом деле Эшли переехала к Шону в Шотландию вскоре после событий прошлой осени, а я еще только закончила школу несколько недель назад. И как бы я ни радовалась последние месяцы, что наконец-то могу жить с Пейтоном, теперь я должна была признать, что счастлива, и после тягостного расставания с родителями хотя бы Эшли продолжает быть рядом со мной. Хотя нам понадобилось некоторое время, чтобы начать ладить, пережитые вместе события помогли нам стать подругами.

Эшли, которая, в отличие от остальных участников, единственная знала, что произошло прошлой осенью, своим молчанием завоевала мое доверие. Только моя двоюродная сестра догадывалась, что творится в моей душе.

Она сунула стакан кофе мне в руку, когда я проходила мимо нее к своему месту на диване. Я засунула ноги под свою длинную рубашку и наслаждалась горячим напитком. Огля-

дываясь вокруг, я не могла себе представить, что когда-нибудь буду готова начать наводить порядок, но юноши уже начали строить планы.

– Мы пойдем на кухню и подключим приборы, – сказал Пейтон, а Шон тотчас же поднял руки над головой:

– Ты же знаешь, что я больше не бессмертный, так?

Пейтон удивленно поднял брови:

– Когда мы охотились за ворами скота, то тоже не были бессмертными, однако ты был первым, кто прискакал в пограничные земли.

– Это было много веков назад!

– Но ведь время делает из детей мужчин, не так ли? Хотя в твоем случае скорее трусов.

Улыбнувшись, я покачала головой. Всегда одна и та же игра, когда вы оставляете их вдвоем в одной комнате.

– Ребята! – крикнула я. – Будете упражняться в остроумии после того, как моя кухня снова станет пригодна к использованию. Мы с Эшли начнем разбирать коробки в спальне. Но сначала все пытаемся найти коробку, в которой лежат мои теплые носки, потому что в противном случае мне придется остаться сидеть здесь.

Не обошлось без недовольного ворчания, но мы приступили к работе. Когда открывали первые коробки, из кухни уже послышались гэльские ругательства. Эшли хихикнула и бросила мне носки:

– Вот! Куда остальное?

Я указала на комод слева от себя и начала развешивать брюки Пейтона в шкафу. Некоторое время мы молча разбирали коробки, попивая свой кофе, пока я наконец не откинула волосы с лица и не упала на кровать.

– Ты проверяла на самом деле? – как будто между прочим спросила я, и Эшли застыла. Она опустила руку с футболками, которые собиралась положить на место, и повернулась ко мне. Ее взгляд был неприступным.

– Сэм, я… – Она покорно села рядом со мной. – Разве ты не хочешь когда-нибудь прекратить это?

Я отметила озабоченность в ее голосе.

– А ты? – ответила я вопросом на вопрос.

Эшли кивнула.

– Я ничего не нашла, Сэм. Ты и сама знаешь, что больше половины всех книг или записей в замке Буррак на гэльском. И то, что ты надеешься найти, Сэм, – она покачала головой, – этого не существует.

Она успокаивающе потянулась к моей руке, которую я предпочла отдернуть. Мне нужно было не наставление, а чудо!

– Сэм, то, что уже произошло, ты не можешь изменить!

– Но я должна! Это убивает меня, Эшли! – Она замолчала, а по моим щекам текли слезы. – Ты не понимаешь! Каждый раз, когда я смотрю на Пейтона, эта рана снова открывается. Я чувствую себя такой виноватой… иногда мне жаль, что Натайра не убила меня тогда в мотеле. Тогда бы всего этого

никогда бы не случилось!

– Полная чушь! Что было первым? Курица или яйцо? «Встреть свою судьбу» – разве это не слова ведьмы? – взорвалась Эшли, прежде чем продолжить спокойнее. – Это судьба, Сэм.

– Это не было судьбой Кайла – умереть из-за меня! – сердито возразила я.

– И все же нет такого волшебства, которое вернуло бы его к жизни или облегчило бы твою жизнь. У тебя же есть Пейтон, он любит тебя, и вы счастливы! Разве этого недостаточно?

Да, недостаточно, но вряд ли Эшли когда-нибудь поймет. Ощущение, как будто сейчас на мне лежит проклятие.

– Сэм, ты должна уйти, потому что ты не можешь мне помочь. Мне не нужна твоя любовь, я больше не чувствую твоих поцелуев, и твои прикосновения причиняют мне боль. Я забыл, каково это – любить тебя. Человек, которым я был, исчез, но я знаю, что он хотел, чтобы ты была в безопасности. Так что уходи, потому что я больше не могу быть рядом с тобой.

С этими словами Пейтон отправил меня обратно в мое время к нынешнему Пейтону. И теперь мне казалось, что это были мои мысли, которые он произнес вслух.

Прикосновения Пейтона причиняли мне боль, и я едва

могла вспомнить, насколько сильно я любила его. Несмотря на то что чувства не угасли, любовь больше не согревала меня. Той женщины, той невинной девушки, которой я была тогда, во время путешествия по студенческому обмену, больше не существовало. Вина раздирала меня изнутри, потому что я совершила ошибку. Приняла неверные решения, далеко идущие последствия которых изменили жизнь многих людей. Но я не перестану пытаться исправить свои ошибки, чего бы мне это ни стоило.

Я встала и включила музыку. Мне нужно было притвориться спокойной, иначе Эшли может поговорить обо мне с Шоном.

– Ты права, извини. Меня просто раздражает этот переезд.

Эшли озабоченно буквально сверлила мой затылок взглядом – видимо, она не поверила ни единому слову. Несмотря на это, я взялась за следующую коробку. Когда я открыла ее, сердце гулко застучало где-то у меня в горле. Сейчас я была не в состоянии смотреть на содержимое, поэтому просто закрыла ее и отодвинула в угол.

– Кухонные полотенца, – объяснила я Эшли, вытирая свои внезапно вспотевшие ладони о штаны.

Во время этого утомительного дня мне удалось отогнать свои мрачные мысли. Но когда вечером дверь со скрипом закрылась за Шоном и Эшли, этот звук старых петель разбудил призраков прошлого. Я глубоко вдохнула, чтобы успокоиться, пока шла к Пейтону в гостиную. Он лежал на диване, а

ноги его висели в воздухе над подлокотником. Мое сердце забилось быстрее, когда юноша посмотрел на меня.

– Тебе нравится? – спросил он и похлопал по подушке рядом с собой.

Я обвела взглядом результаты нашей сегодняшней работы. На самом деле стало очень красиво. Старая мебель Пейтона из замка Буррак хорошо сочеталась с нашими новыми приобретениями. Его старый меч на стене, правда, вызвал бурную дискуссию, поскольку я не могла забыть, насколько смертоносным был этот клинок, никогда ранее не предназначавшийся для украшения. Но в конце концов мне пришлось уступить Пейтону, поскольку он настоял, что в случае необходимости меч должен быть под рукой.

О том, в какой ситуации может понадобиться меч, я предпочла бы не думать. Но передо мной неизбежно вставал образ светловолосого великана Аласдера Бьюкенена.

По словам Блэра, старшего брата Пейтона и главы клана Маклинов, Аласдер бесследно исчез, что было единственным верным решением для него. Прежде чем Натайра обручилась с Блэром, чтобы гарантировать союз между кланами, она отдала Аласдеру свое сердце. Но она пожертвовала своим нерожденным ребенком и любовью к нему ради верности брату.

Тогда проклятие Ваноры служило защитным панцирем для чувств, но с тех пор, как оно было снято, мужчины едва ли сказали друг другу хоть слово. Даже того факта, что На-

тайра уже мертва, было недостаточно, чтобы оставить прошлое позади. Так что, несмотря на то что на данный момент исчезновение Аласдера служило утешением, Блэр считал, что рано или поздно великан объявится в Бурраке и будет разыскивать его или любого другого члена клана.

Поэтому меч остался на стене.

– Да, мы отлично справились, – согласилась я с Пейтоном и прижалась к нему. – Как ты думаешь, мы сможем завтра сделать перерыв и денек отдохнуть от всего этого переезда? Мне бы так хотелось еще раз подняться на Калтон-Хилл.

У каменного монумента на холме мы решили переехать в Эдинбург. Вид на город в теплом свете заката был просто волшебным, и я совершенно отчетливо ощущала здесь корни моих шотландских предков. Кроме того, город был также успокаивающе далек от кладбища рядом с *Auld a´chruinn* и таинственного памятного камня пяти сестрам. По-прежнему по телу пробегали мурашки при мысли о том, что там произошло.

Я теснее прижалась к Пейтону, наслаждаясь его привычным запахом.

– Все, что хочешь, сердечко мое, – пробормотал он куда-то в волосы и поцеловал меня в макушку.

А чего же я хочу? Если бы все было так просто… И хотя я чувствовала себя очень комфортно, тени прошлого омрачали мои мысли.

– Ты часто думаешь о прошлом? – тихо спросила я.

Пейтон молчал, продолжая поглаживать мою спину. И когда я была уже почти уверена, что он не расслышал вопрос, юноша глухо, безо всяких эмоций, ответил:

– Не проходит и дня, Сэм, чтобы я не вспоминал о том тяжелом времени. До сих пор эта пустота царит где-то внутри меня. Даже если моя любовь к тебе постепенно дает мне забыть об этом… этом ужасе и любое новое прекрасное воспоминание снимает с моего сердца эту тяжесть, я знаю, что я больше не тот человек, которого ты оставила тогда.

Он снова замолчал, но на этот раз я чувствовала, что Пейтон хочет сказать еще что-то. Я подбодрила его, положив руку юноше на грудь, туда, где кинжал, который должен был принести мне смерть, оставил глубокую рану.

– Каждый раз, когда я смотрю на тебя, Сэм, я спрашиваю себя, любила ли ты тогда меня больше, чем сейчас.

Я хотела возразить, заверить его, что это неважно, потому что во все времена я всегда любила и буду любить его, но его палец на моих губах помешал этому.

– Позволь мне закончить. Я знаю, что ты хочешь сказать… Я сам хотел бы быть тем человеком, которым являлся до проклятия. Чувство, которое я испытал, когда… в тот момент, когда ты ушла… даже когда я едва мог что-либо чувствовать, это дало мне последнюю искру надежды.

Я чувствовала учащенное сердцебиение Пейтона, которое свидетельствовало о том, как трудно ему было говорить об этом. Наконец нарушить молчание и поделиться со мной

своими чувствами.

– Я люблю тебя больше жизни, и если ты хочешь знать, думаю ли я о прошлом, то должен сказать – да. Я действительно стараюсь перестать, но не могу отделаться от ощущения, что… ах, Сэм, я хотел бы, чтобы мы не так просто… сдались.

Сдались! Я села. Почувствовала, как дрожу всем телом, когда посмотрела ему в глаза. Казалось, его душа была покрыта густым туманом, словно он скрывал что-то от меня, как в то время, когда держал в тайне свое проклятие и свою историю.

– Я не сдавалась, Пейтон! Я спасла тебя! Если бы я не вернулась в прошлое, ты уже давно был бы мертв! Ты… ты сам отправил меня обратно, – прошептала я, и боль обрушилась на меня со всей силой. Мои легкие горели – так сильно рыдания сдавили мое горло. Холодный пот стекал по моей спине, и я зажмурилась в тщетной попытке сохранить спокойствие. Лучше бы я ушла.

Пейтон встал. Он был беспомощен, я видела это. Юноша провел рукой по коротким волосам и пренебрежительно скрестил руки на груди. Пейтон провел долгое время без всяких чувств, и теперь ему не удавалось так легко с ними справляться. Мышцы на его руках напряглись.

– *Tha mi duilich*, – извинился он. – Я знаю, что веду себя как идиот. Тебе не понять этого, Сэм. Это время… казалось таким бесконечным без тебя. Когда я познакомился с тобой

в прошлом году, то сначала чувства были другими. Только благодаря путешествию во времени и тому, что ты изменила мою память, я узнал, что потеряю, если ты уйдешь, – ты усилила проклятие в сто раз, даже если совсем этого не планировала. – Он беспомощно пожал плечами. – Хотел бы я быть достаточно сильным, чтобы бороться за тебя и твою любовь уже тогда. Хотел бы я как-то попытаться бросить вызов проклятию и никогда не отпускать тебя, Сэм. Даже если бы это означало попросить тебя оставить свою семью, а меня сегодня не было бы в живых. Это эгоистично, я знаю, но где-то глубоко внутри я просто чувствую это. Прости меня, но…

Внутри него бушевала борьба, и через какое-то время его потемневшие глаза вспыхнули опасным огнем. Без предупреждения он заключил меня в свои объятия и целовал до тех пор, пока мои ноги не подкосились.

– Прости, Сэм, – прошептал он и оттолкнул меня от себя так же резко, как до этого притянул. Пейтон не смотрел на меня, когда застегивал свой мотоциклетный шлем. – Я люблю тебя!

Звук захлопнувшейся двери поглотил его последние слова, и, когда перед домом раздался звук двигателя мотоцикла, я обескураженно направилась в спальню. Я опустилась на пол перед последней нераскрытой коробкой и сдвинула крышку. Слезы затуманили мне глаза, когда я нащупала под завернутым в цветастую бумагу пакетом письмо. Рыдание вырвалось у меня, и я почувствовала мягкую кожу в своей

руке, которую крепко прижимала к груди.

Дрожащими пальцами я отодвинула кожу в сторону и развернула письмо.

Сэм, mo luaidh,

ты вошла в мое сердце той ночью еще до того, как я понял, как я обнаружил, насколько ты особенная. Ты не принадлежишь этому времени, говорила ты. Но это неправда. Ты принадлежишь мне, несмотря ни на что. Не покидай меня, потому что я люблю тебя.

И если ты все же сделаешь это – потому что любишь меня, то прими этот дар и помни: ты – часть меня.

Mo luaidh, tha gràdh agam ort.

Пейтон

Глава 2

Замок Буррак, 1741

Пейтон Маклин стоял на крыше жилой башни. Дождь хлестал его по лицу, но он почти не чувствовал этого. Юноша не замерз и не ощущал сырости.

Он молился об искуплении.

Не прошло и года с тех пор, как он, приложив все усилия, отправил Саманту обратно в ее настоящую жизнь. Надежда на то, что когда-нибудь в далеком будущем она снова сможет заключить его в объятия, заставила его принести эту жертву. Но теперь, благодаря проклятию Ваноры, он был лишен всех чувств – даже надежда и вера исчезли.

Он должен был пребывать в отчаянии, но его лишили и этого чувства. Проклятие стало стеной, которая отгораживала его от жизни. Оно отняло у Пейтона боль из-за смерти брата, заставило наплевать на презрение отца за свои поступки, разрушило его привязанность к семье. Он остался один, между толстыми стенами, которые сжимались все сильнее с каждым днем и грозили раздавить его.

Пейтон ударил кулаком по стене перед собой. Кровь сочилась из его ладони, но он не почувствовал ни боли, ни об-

легчения, и уже через мгновение его рана затянулась.

Как он мог полагать, что сможет пережить так двести семьдесят лет – прожить жизнь, которой нет? Откуда ему взять силы, чтобы выдержать это?

Даже смерть в качестве милостивого конца не была ему дарована, ему нужен был выход. Он должен забыть…

Если бы только он мог вычеркнуть из своей памяти ощущение любви. Воспоминание о счастье, которое он испытывал с Сэм, исчезло, но в глубине души он знал, как светился, сиял от радости, как его тело реагировало на близость этой неописуемой девушки. Будет ли он когда-нибудь чувствовать себя снова так же, как тогда?

Здесь, на вершине башни, в своем убежище, он решил в ее пользу против своей семьи, пока все не закончилось трагически.

Пейтон покачал головой. Он не мог принять того, что Сэм – его Сэм, девушка, которую он любил, заранее знала, что произойдет… что произошло. Конечно, она прошла сквозь время, чтобы спасти его в будущем, но… если она догадывалась о том, что его ждет, почему не предупредила его? И удалось ли ей на самом деле спасти его? Или ему придется напрасно ждать спасения все эти годы, чтобы в конце концов умереть?

Пейтон простил Сэм в ту ночь, когда было наложено проклятие. По крайней мере, верил, что сможет простить ее, но теперь…

Теперь, когда проклятие сжало его в свой кулак, казалось, что того человека, который верил в любовь и простил Саманту, больше не осталось в нем.

Вода стекала по его лицу, словно слезы, и Пейтон спрашивал себя, прольет ли он когда-нибудь хоть одну слезу.

Юноша спустился через люк обратно в замок и прошел в свою комнату. Его кровать была нетронутой – он больше не ложился в нее после ночи с Сэм. В любом случае он мало спал, потому что не чувствовал усталости. И без снов, рожденных из надежд, страхов и стремлений, ему не хотелось спать.

Пейтон снял мокрую одежду и провел рукой по волосам, отросшим до плеч. Найдет ли он способ принять свою судьбу, чтобы не уничтожить шансы на спасение тем, что обвинит во всем Сэм? Его собственная вина была неизмеримо велика и останется бременем на все времена, поэтому осуждать Сэм было бы неправильно.

Если бы существовал способ избежать проклятия, стал бы он ради этого рисковать всем тем, что пророчила ему Сэм? Неужели он отказался бы от своего будущего вместе с ней, чтобы быть избавленным от этого существования?

Почему судьба выбрала именно их, чтобы вести свою жестокую игру, Пейтон понять не мог.

Юноша провел пальцем по шраму на подбородке. Она оставила след не только на нем самом, но и в его душе.

Надев сухую рубашку и приведя в порядок свою накидку,

он заколол ее брошью на плече и наконец принял решение.

Глава 3

Эдинбург, наши дни

Наступил вечер, но Пейтон все еще не вернулся домой. Я уже отошла после наших разногласий, но его слова не выходили у меня из головы. Чтобы отвлечься, я принялась распаковывать последнюю коробку.

На короткое мгновение меня охватило чувство, что я снова сижу на чердаке моей бабушки Анны и просматриваю ее вещи, когда потянулась за книгой в кожаном переплете, которую тогда нашла у нее.

Красная кожа обложки оказалась прохладной на ощупь. С благоговением я листала старые страницы, на которых была написана история моих предков. Нежно проведя пальцем по потускневшим словам, я почти почувствовала рядом дух Мюриэль Кэмерон. Молодая женщина мужественно двигалась вперед. В полном одиночестве она приняла свою судьбу и при этом никогда не забывала о своих корнях.

Я продолжила читать до тех пор, пока не увидела свое собственное имя в генеалогическом древе Кэмеронов. Хотелось бы мне просто перелистнуть следующую страницу и увидеть, что ждет меня в будущем, но я уже почти дошла до конца

книги. Последние листы были пустыми. Должна ли я продолжать их заполнять? Продолжу ли я когда-нибудь родословную Кэмеронов? Впишу ли сюда имена моих детей?

Чтобы закончить историю, мне потребовалось бы гораздо больше места, чем несколько оставшихся страниц, но сейчас я даже не знала, суждено ли нам встретить счастливый конец.

Я снова заглянула в коробку и достала оттуда вышитую льняную салфетку, которую получила в 1740 году от отца Пейтона Фингаля, после того как он сделал на моей руке порез для клятвы на крови.

Как и тогда, я любовалась красочной вышивкой на старинном льняном полотне. Казалось, кто-то наколдовал тонкими стежками на ткани цветы. Мой палец скользил по вышивке, следуя за самой заметной нитью. Красная толстая нить образовывала собой кульминацию всей картины, венчая своим огнем самый красивый из цветов. Я видела, как неправильный стежок перекрывал собой блестящую нить, словно грубая черная пряжа завидовала ее великолепию.

Нить напомнила мне тот момент на кухне Элисон, когда во время наших поисков спасения для Пейтона я держала в руках подобную салфетку с ошибочным стежком. Яркая красная нить напомнила мне кровь на белой одежде Ваноры, а черная – кинжал, которым она была убита. Неправильный стежок и кинжал – оба нарушали совершенство красного узора.

Мне пришла в голову мысль в ближайшие дни навестить

моих добрых друзей, Элисон и Роя. Эти двое – эксперты в области всякой мистики. Конечно, Элисон будет рада, если я подарю ей эту салфетку. Она прекрасно сочетается с ее собственными салфетками и будет напоминать ей обо мне, если…

Решительно сунув бабушкину книгу и салфетку в свою сумку, я достала следующую партию вещей из коробки. Это был подарок от моих родителей в честь переезда. Разноцветная оберточная бумага выглядела праздничной, а бант был почти такого же размера, как и сама коробка в моей руке.

Мама вручала мне ее со слезами на глазах. Из страха разрыдаться я не стала открывать ее рядом с ней. Мне не хотелось, чтобы она подумала, что я не уверена в своем решении. Я люблю Пейтона и хочу быть только рядом с ним.

Хотя прощание и было тяжелым, последний год ясно дал мне понять, что мое место теперь рядом с Пейтоном. Наши судьбы неразрывно связаны.

Я потянула за конец ленты, чтобы развязать бант, а затем развернула бумагу. Внутри была небольшая открытка с котом, лежащим в гамаке, и шкатулка с украшением.

С любопытством я открыла ее. На красной бархатной подушечке лежала пара сережек. Я вынула одну из них и растроганно погладила по двум блестящим белым жемчужинам. Они были заключены в золотую оправу, одна чуть меньше другой. Это было простое украшение, очень красивое вне зависимости от моды. Я перевернула открытку.

Дорогая Саманта,

отпускать тебя очень трудно – ты моя маленькая девочка и всегда ею останешься. Мне хотелось бы всегда быть рядом с тобой, и, по крайней мере, ты всегда в моем сердце, даже если твой жизненный путь ведет тебя в другом направлении. Я представляю, что мы с тобой, как эти две жемчужины, всегда и во все времена – рядом. Иди своим путем и не оглядывайся назад.

С любовью,

твоя мама

Слеза, пробежавшая по моей щеке, капнула на бумагу. Неужели мама догадывалась, что творится у меня в голове? Почувствовала ли она мое беспокойство? Я надела серьги и подошла к зеркалу. Растрогавшись, я прижала руки к горлу, потому что внезапно стало больно глотать. Я даже не стала пытаться…

Я почувствовала пропитанную потом подушку под головой. Ночная рубашка влажно липла к телу, и я услышала свои собственные всхлипывания. Несмотря на это, мне не удавалось вырваться из своего сна. Образы моего сонного разума, тяжелые, как свинец, не хотели меня отпускать, и уже казалось, что это вовсе не сон.

Ночь была черной и непроглядной. Но, несмотря на это,

красный цвет, как сигнальный огонь, светил мне прямо в глаза. Я тонула в этом красном, как в зыбучих песках. Казалось, он хотел поглотить меня, и теплый металлический запах ударил в нос. Кровь. Я тонула в крови. Мой пронзительный крик оборвался где-то на границе между сном и реальностью, которые, казалось, слились воедино. Чья-то рука успокаивающе поглаживала меня по спине, но это не принесло мне покоя.

– Ну наконец-то мисс Кэмерон снова среди нас. Тебе не следует ложиться спать, когда у тебя такое горе.

Я пожала плечами. На краю моей кровати сидел Кайл. Младший брат Пейтона, который был мертв.

Я потерла глаза и отодвинулась от него. Затем вздрогнула, а молодой шотландец сочувственно посмотрел на меня.

– Ты в порядке? – спросил он.

Черт возьми, нет, я не в порядке! Я спала и никак не могла проснуться. Или я уже начала видеть призраков? Судя по всему, я, очевидно, начала терять рассудок.

Я почувствовала, как рука Кайла мягко скользнула по моей спине, как дуновение холодного ветра.

– Давай, девочка, ложись спать. Я буду присматривать за тобой. Завтра тебе точно станет лучше.

Я смотрела на Кайла, понимая, что это всего лишь сон, потому что юноши уже не было в живых. И будь это его дух, он не стал бы относиться ко мне так дружелюбно,

а возненавидел бы меня. Он бы презирал меня за мою трусость или требовал возмездия. Я осознанно отправила его на верную смерть.

Но этот Кайл у моей постели улыбался. Он сидел со мной, и я могла чувствовать его близость. Он был так красив, так добр. Его взгляд был полон прощения. Это была его кровь, в которой я тонула, и я не заслужила, чтобы он спасал меня от этого. Но он сделал это, и я хотела поблагодарить его, сказать ему, как мне жаль, что я не изменила его судьбу, но, как зачастую бывает во сне, не могла пошевелиться. Казалось, меня взяли в плен в тот момент, когда в Килераке была свадьба и я не предупредила его о жестоком жребии.

Кайл схватил мою руку и нежно сжал ее.

– Пусть будет хорошо, lassie все в порядке, – прервал он мою благодарность и все остальные слова, которые даже сейчас я не могла произнести.

Я кивнула, а мои усталые глаза горели. Я смотрела в его лицо, пока сон медленно не поблек.

На следующее утро в голове пульсировало, как будто бесы устроили дикую оргию где-то между моими висками. Кошмар не отпускал меня. Я проклинала Пейтона, который всю ночь не возвращался домой. Мое настроение упало ниже плинтуса, впрочем, как и мои отношения.

Кофе мне не особо помог, и его остатки, которые осты-

ли за время моих раздумий, я выплеснула в раковину. Я серьезно задавалась вопросом, знает ли этот несчастный шотландец, что делает со мной. Неужели он не мог себе представить, каково мне будет в полном одиночестве в чужом городе, в новой квартире, с мечом на стене и призраком Аласдера Бьюкенена где-то за спиной?

Но уже в следующее мгновение проснулась моя совесть. Я не могла жаловаться на единственную ночь, проведенную в одиночестве, пока меня одолевали эти сумасшедшие мысли. И «одолевали» – это еще мягко сказано.

– Черт! – пробормотала я и скользнула в свои тапочки.

Я уже почти свыклась со своей идеей, почти была готова. Но как мне удастся все исправить и получить искупление, если я не могу и ночи провести без Пейтона? Возможно, сейчас я даже должна быть благодарна, что он оставил меня одну. Благодаря этому я знаю, что со мной будет, если я осуществлю свою затею.

Сама мысль вызывала у меня мурашки по коже, и поэтому я закуталась в свою флисовую кофту и обмотала горло шарфом, прежде чем выйти на еще сырой утренний воздух. Хотя со вчерашнего дня от Пейтона ничего не слышно, я была уверена, что он придет на наше свидание на Калтон-Хилл.

Я поехала на машине Пейтона. Но моей целью был не памятник Стюарту на Калтон-Хилл, а одна из центральных улиц – Принсес-стрит. Я замерла, когда снова подумала о том, зачем мне нужно туда. Чтобы отвлечься, я включила ра-

дио и сосредоточилась на дороге.

Как улица с односторонним движением, по которой я ехала, мой путь казался мне неотвратимо предопределенным. Было ли уже слишком поздно для того, чтобы повернуть назад? Вопрос все еще крутился в моей голове, когда чуть позже я перешагнула через дверь маленького магазинчика.

Над прилавком магазина красовались кельтские буквы: «Серебряные клинки нагорья». Как и во время моего первого визита сюда, при виде блестящих палашей и острых мечей меня охватило тошнотворное чувство. Раздававшиеся из динамиков грустные звуки волынки еще больше усиливали мое беспокойство. Я видела, как люди бросаются друг на друга с таким оружием, и знала, что один удар может оказаться смертельным.

Ангус Моррей, владелец магазина, был очень похож на Арагорна из «Властелина Колец», и с той же легкостью, как и его голливудский двойник, он взмахивал мечом в демонстрационных целях перед своими клиентами. Сегодня, однако, магазин пустовал, и Ангус небрежно прислонился к кассе.

– *Fàilte*, мисс Америка! – поприветствовал он меня.

Я улыбнулась, потому что это прозвище, возможно, подошло бы белокурой красавице, выступающей за мир во всем мире, но уж точно не мне.

– Ты как раз вовремя. – Ангус вытащил из-под прилавка деревянный ящик, откинул крышку и с гордостью показал

мне свою работу.

В недоумении от своих собственных поступков я покачала головой. Я что, совсем с ума сошла? Что, черт возьми, я здесь делаю?

Я сглотнула подступивший к горлу комок и осторожно провела пальцем по лезвию, которое передал мне Ангус.

– Возьми его в руки, почувствуй тяжесть и баланс, – предложил он мне, завязывая на затылке волосы, которые доходили ему до плеч. Мужчина ободряюще кивнул мне, когда я нерешительно приняла его предложение.

Это же безумие! Я же неуклюжая, и дать оружие мне в руки равносильно приглашению к нанесению себе увечий. Я еще не забыла, что произошло, когда я пыталась защитить себя с помощью кинжала. Стоило только закрыть глаза, как я снова почувствовала кровь Росса Гэлбрейта на своих пальцах. Его взгляд будет преследовать меня до конца жизни. Однако я больше никогда не хотела чувствовать себя такой беззащитной, как тогда, в прошлом, когда я оказалась без оружия. Особенно если я продолжу тот путь, который выбрала.

Я ощущала прохладу кинжала в своей руке, и Ангус показал мне, как правильно его держать. Через несколько минут я привыкла к нему, и, по мере того как металл согревался в моей руке, мои чувства к оружию тоже теплели.

– Спасибо, Ангус. Он идеален, – одобрила я кинжал, запыхавшись от упражнений в нанесении ударов. – Еще гравировку, и я буду довольна.

– Сначала я хотел убедиться, что тебе подходит этот клинок, а затем приступать к гравировке. Но это быстро, ты сможешь забрать его завтра. Что ты хочешь выгравировать, мисс Америка?

Он взялся за рукоять клинка, ожидая моего ответа, но у меня во рту настолько пересохло, что мне понадобились все мои силы, чтобы заговорить. Я положила кинжал обратно в коробку и закрыла крышку.

Это не решение всей моей жизни, успокаивала я себя. Я сама управляю своей судьбой!

– Мне бы хотелось такую надпись: «*Cuimhnich air na daoine o'n d' thanig thu*». Это возможно?

Ангус записал фразу и кивнул:

– Конечно! Очень красивая фраза. «Помни тех, от кого ведет начало твой род»?

– Верно. Это девиз клана. Девиз клана Кэмеронов, – пояснила я.

* * *

Мысли Пейтона были такими же мрачными, как безлунная ночь, когда он стоял у подножия памятника Стюарту на Калтон-Хилл. Он снова повел себя как идиот, но в присутствии Сэм ему казалось, что это просто повторяется снова и снова. При этом последнее, чего он хотел, – это причинить ей боль.

Юноша сидел на траве, крутил травинку между пальцами и смотрел на Эдинбург сверху. Северный мегаполис сиял на солнце, золотившем крыши домов. Замок на горизонте выглядел как нарисованный на фоне сияющего неба, а на часовой башне отеля Балморал перед ним был уже почти полдень.

Неужели он ошибся, предположив, что Сэм придет сюда, хотя они даже не договорились о точном времени?

Ему казалось, что он может слышать отголоски ударов ее сердца, настолько юноша чувствовал себя близким с ней. Но в последние недели у него сложилось впечатление, что этого недостаточно.

– Привет!

С облегчением он обернулся. Пейтон не слышал, как она подошла. Ее щеки покраснели от ходьбы в гору, и ветер играл с волосами. Сэм выглядела взволнованной, когда села рядом с Пейтоном и поцеловала его в щеку.

– Давно ждешь? – спросила она, глядя на примятую траву.

Пейтон пожал плечами:

– С утра. Мне нужно было время, чтобы подумать. – Он снова посмотрел на часовую башню. Стрелки неумолимо бежали дальше.

– Мы же ни о чем не договаривались, – тихо оправдывалась она.

Пейтон взял ее руки в свои и поцеловал тыльную сторону ладони, прежде чем посмотреть в глаза.

– Теперь все в порядке… На этот раз ты не заставила ждать тебя двести семьдесят лет.

Он хотел пошутить, но даже сам отчетливо услышал в своих словах упрек. Что с ним? Почему с каждым днем растет злость за бесконечно долгое время проклятия? Наконец-то он его пережил! Все должно быть так замечательно. Видимо, это связано с его новыми воспоминаниями.

– Прости, *mo luaidh*. Я совсем не это имел в виду, – попытался Пейтон смягчить свои слова, но по плотно сжатым губам Сэм было видно, что он опять причинил ее боль.

– Хорошо, Пейтон! Я все поняла! – Она отпрянула назад и вырвала у него свои руки. – Я подвела тебя, да, я совершила ошибку, но скажу тебе вот что – я должна была принять решение! Чертовски тяжелое решение, Пейтон! Ты выставляешь себя жертвой, но это твое собственное решение – участвовать в этой резне! Ты сам виноват в своем проклятии!

В ярости Сэм вытерла слезы с лица и уставилась куда-то мимо него. Пейтону хотелось, чтобы все было проще, но страх перед будущим – будущим, находящимся в опасности, – нависал над ними, как меч, и Сэм даже не подозревала об этом.

Молча они сидели рядом, надеясь на хороший конец, который был таким же неопределенным, как ненастный день в Шотландии. Наконец Пейтон не выдержал и придвинулся ближе. Он обхватил девушку руками за плечи и гладил ее, пока не почувствовал, как она расслабилась.

Когда девушка положила голову ему на грудь, он прошептал:

– Сэм, если бы я рассказал тебе что-то действительно невероятное, ты бы мне поверила?

* * *

Я застыла в его объятиях, но не отводила взгляда от городских крыш, стараясь держать пульс ровным. Пейтон должен был знать, какие воспоминания пробудили во мне его слова. Воспоминания о другом дне, другой горе и другом разговоре, который мы вели, – и это изменило все. Хотя я не была уверена, что действительно хочу услышать то, что он хотел сказать, я кивнула:

– Зависит от того, что это. Просто скажи мне, а я отвечу, верю я тебе или нет.

Пейтон рассмеялся, и его теплое дыхание щекотало мою шею.

– Нет, так не пойдет, – ответил он точно так же, как тогда, и я тоже улыбнулась:

– Вопрос в том, почему после всех невероятных событий, которые мы пережили, ты об этом волнуешься? У тебя нет причин лгать мне, и я буду исходить из предположения, что ты говоришь правду. Доказательства были бы очень полезны, но поскольку я люблю тебя, то слепо доверяю тебе.

Пейтон сжал мои руки. Его тепло пронизывало меня, и

мне хотелось, чтобы мир остановился. Если бы только мы могли остаться в этом моменте навечно. Без боли прошлого и неопределенности будущего.

– Я тоже люблю тебя, *mo luaidh*, но… я должен рассказать тебе кое-что.

В его голосе не осталось и следа былой легкости, и у меня появилось предчувствие, что происходящее в этот момент может изменить все.

Глава 4

Замок Гальтайр, наши дни

Спичка погасла, и над ней взвилась вверх тонкая ниточка серного дыма. Мерцающий свет двух свечей на каменном алтаре часовни замка делал выразительное лицо Аласдера Бьюкенена еще более впечатляющим. Решимость сквозила в его чертах, и по тому, как он опирался руками на алтарь, никто не догадался бы, что он пришел сюда тайком.

Когда он вернулся из Делавэра прошлой осенью вместе со своим бывшим предводителем Каталем Стюартом, он надеялся, что замок Гальтайр сможет облегчить его боль от смерти Натайры.

В отчаянии Аласдер вошел в круглую комнату башни и, вопреки здравому смыслу, отдался надежде встретить там Натайру. Однако то, что он увидел, привело его в неистовую ярость. Прежде так аккуратно сложенные книги и заметки Натайры сорвали с полок и разбросали по полу. Ящики были выдвинуты и перерыты, как и ее шкатулка с драгоценностями, содержимое которой высыпалось на умывальник и бордовый ковер. Даже картины на стенах висели криво, словно кто-то искал за ними тайники. Маклины в поисках способа

разрушить проклятие Натайры, наложенное на Пейтона, обшарили здесь каждый уголок.

Аласдер осторожно пробрался через беспорядок, нагнулся за одной из книг в кожаном переплете и бережно положил ее на темную столешницу письменного стола. Его ладонь мягко скользнула по гладкому дереву.

В этой комнате они тайно встречались сотни лет назад, в первые недели своей влюбленности. В то время она смотрела на него с сияющей улыбкой на лице. Привязанность, которую Натайра испытывала к нему тогда, была искренней.

Вид того, как здесь все разгромили, нарушили личную жизнь Натайры и выбросили ее самые сокровенные мысли, разжег в нем желание мести.

Когда мужчина обводил взглядом разбросанные вокруг драгоценности, ему на глаза попался простой кожаный ремешок с серебряной подвеской. Словно в трансе, он взял его в руку, сжал в кулак и заставил себя не смотреть на него. Аласдер знал, как выглядело это украшение и как она его получила. Вот только он не ожидал после такого бесконечно долгого времени найти его в вещах Натайры.

Серебряный крест Святой Бригитты, символ праздника Имболк. День, когда они впервые встретились, когда родилась их любовь.

Аласдер проглотил горькое воспоминание. Запах ладана – запах христианского бога, а не его, – ударил ему в нос. В часовне было прохладно, но не так холодно, как в тот день,

много лет назад, когда он подарил Натайре крест. Мужчина поднял руку к груди и нащупал кулон под рубашкой. Никто не видел печали в его взгляде, когда он прикоснулся к нему.

Натайра была так прекрасна в тот день.

С раскрасневшимися щеками она вышла за дверь: настоящая красавица, которая одной своей улыбкой могла бы растопить снег холодного февральского дня 1740 года. По крайней мере, в нем она разожгла огонь, который за все века ни разу не погас полностью. Он пытался забыть ее после того, как она призналась ему в убийстве своего ребенка, потому что не хотел снова совершить ту же ошибку, что и на своей родине.

Он был вне закона, потому что однажды предательство женщины разрушило его жизнь, и его меч оставил кровавый путь опустошения, когда мужчина хотел заглушить свою боль. Так он однажды оказался в Шотландии.

И именно поэтому он избегал Натайры во время проклятия. Просто Аласдер не мог забыть ее и, наверное, никогда по-настоящему не переставал ее любить. Душа девушки была такой же темной, как и его собственная. Как бы ни были велики страдания, которые навлекла на него Натайра, он все же не мог винить ее.

И теперь она была мертва, умерла за любовь проклятого Маклина и за дело своего слабохарактерного брата. И Каталь, человек, которому он хранил верность на протяжении веков, превратился в жалкую груду страданий. Аласдер ис-

пытывал лишь презрение к человеку, которому был обязан всей своей болью.

Ему никогда не хотелось признавать того, что Натайра стала причиной всех его страданий. Вместо этого он винил мужчин, которые окружали ее: Каталя – ради него она пожертвовала своей любовью, Блэра Маклина – человека, которого она избрала вместо него, но особенно он винил Пейтона, который в конечном счете был ответственен за ее смерть, потому что он поставил эту чертову девчонку выше благополучия всех остальных.

Все они должны были поплатиться за это, и каждый последующий день на протяжении столетий без всяких чувств подпитывал его жажду возмездия. Это было единственное лекарство, которое он знал и которое на протяжении всей его жизни помогало ему пережить горе.

Да, мужчина был вне закона, но разве не это, разве не его сила вызвали тогда интерес Натайры?

Аласдер осторожно вытащил из ножен длинный смертоносный клинок и, придерживая его двумя руками, положил на алтарь перед собой. Затем он вытащил из-под рубашки блестящий кулон, поцеловал теплое серебро и тоже положил его на жертвенник, прежде чем открыть маленький кожаный мешочек на поясе.

Руны. Сотни лет он не спрашивал камни, потому что знал свое предназначение. Но сейчас он находился в той точке своей жизни, где путь его был неясен и он нуждался в их

совете.

Рука скользнула в мешочек и нащупала прохладные овальные камни. Гладкая поверхность камня с выгравированными символами показалась ему бархатистой, когда его пальцы сомкнулись вокруг руны, которая должна была показать его жизнь.

Воск капнул со свечи мимо креста Святой Бригитты, прямо на каменный алтарь, на котором распростерлась его судьба.

Эох, тис – руна, которая открыла ему глаза на его положение.

Одним вдохом мысли Аласдера слились с голосом руны. Так было всегда, когда он вопрошал оракула. Значение раздавалось в его голове, как слова матери.

Настало время перемен.

Второй камень уже был в его руке, и он положил его слева от первого.

Перт, игральная кость – совет, который давали ему руны.

Кто готов принимать решения, тот держит свою судьбу в своих руках.

С полным доверием он достал из мешочка последний камень и положил его на левую сторону.

Кеназ, факел – его предназначение, которому он должен следовать согласно совету оракула.

Просветление открывает новые пути.

Долго стоял Аласдер. Горячий воск тающих свечей окру-

жал три символа его судьбы.

Он будет полагаться на оракула и следовать велению камней. Аласдер кивнул и сунул руны обратно в мешочек, затем поцеловал серебряный кулон и снова надел его себе на шею.

Имболк. Праздник воскрешения жизни и возвращения света. Натайра была его светом, но она не вернется, никогда не воскреснет. Рука мужчины скользнула к мечу, и взгляд его затерялся в пламени свечей.

Одинокий солнечный луч, падавший сквозь застекленные арочные окна, освещал каменные плиты до самой двери. Тишина среди пустых рядов скамей была ему приятна, и девиз клана Стюартов, расположенный над дверью, подтвердил его решение.

Amat Victoria Curam.

Победа любит подготовку.

Руны показали ему, что будет. Путь был ясен. Он последует ему без колебаний. Погруженный в раздумья, Аласдер засунул крест Святой Бригитты под рубашку и почувствовал на своей коже ласковое прикосновение Натайры. Не оглядываясь назад, он шел навстречу своему будущему.

Седовласая женщина держалась прямо, хоть и несла на своих хрупких плечах груз неисчислимых лет. Ее кожа была белой и морщинистой, подобно свиткам, о защите которых она заботилась. Она являлась вечной хранительницей древних тайн, которые обычно не требовали, чтобы она покидала

место своего наследия.

Но на этот раз все было по-другому. Ей нужно было восстановить порядок и поплатиться за давно забытую несправедливость. На протяжении многих сотен лет она, затаив дыхание, ожидала, будет ли это необходимо. Однако видение прошедшей ночи подтвердило ее худшие опасения и заставило ее действовать.

Та девушка, что судьбу обуздает,
Вину и невинность она сочетает.
Но она погибает в объятиях зла,
Вина всю любовь выжгла дотла.

Беата глубоко вдохнула незнакомый ей воздух нового времени, пытаясь понять, из чего он состоит. Его запах оказался так непохож на тот, что витал в ее влажном убежище, так чужд, что ей уже хотелось вернуться обратно. Но давным-давно совет мудрейших решил, что ее задача в случае необходимости – снова направить ход судьбы в нужное русло и сгладить волны последствий, которые вызвали своевольные действия Ваноры.

Сейчас пришло это время, и Беата была готова.

Дом пастора Авимора был прямо перед ней, и она жестом пригласила светловолосую девушку присоединиться к ней.

– Ты знаешь, что тебе нужно сделать? – спросила она девушку и с благоговением погладила сверток, который держала в руках.

Дитя кивнуло, и светлые пряди прикрыли ее умные глаза.

– Да. Я позабочусь о том, чтобы наше наследие заняло свое место в истории. Не беспокойся, Беата. Никто не усомнится. Но я все еще не уверена, не слишком ли мало этого?

Беата решительно помотала головой:

– Я не могу ей помочь. Она должна сама отыскать правду.

Когда девушка со свертком в руке исчезла в доме священника, Беата опустила веки, чтобы снова вызвать в памяти образы своего видения.

Безжизненное тело молодой девушки на ночном кладбище. Ворона, привлеченная блеском золотых сережек с жемчужинами. Кровь, вместе с которой тело покидала жизнь, которая пропитала землю и осталась на клинке викинга.

Беата открыла глаза и провела рукой по морщинистой щеке. Она была слишком стара, чтобы проливать слезы, но молилась силам природы, чтобы своими действиями сегодня все вернуть на круги своя и чтобы ее видение было не более чем дурным сном.

Девушка вышла из дома пастора. Ветер донес до Беаты радостные слова прощания.

Теперь хранителю больше ничего не оставалось делать, кроме как надеяться. Она приготовила путь, но ступит ли по нему когда-нибудь…

Глава 5

Калтон-Хилл, наши дни

Мягкий сентябрьский ветерок, веявший над крышами Эдинбурга в сторону Калтон-Хилл, ласкал мое разгоряченное от солнца лицо. Он нес с собой запах истории Шотландии. Старый камень, высокогорная трава и постепенно угасающий запах дождя, который уже прошел. Было тихо, но вокруг меня могла бушевать и буря, а я бы обратила на это внимание не больше, чем на легкий ветерок. Все мои чувства были сосредоточены на Пейтоне. На том, что он хотел мне сказать.

Черт, если честно, я не на шутку испугалась.

– Ну, говори уже! Или ты хочешь меня прикончить? – поторопила я его.

– Я не знаю, как начать. Это очень сложно, потому что то, что я хочу тебе сказать, невозможно объяснить.

Он с трудом подбирал слова, и я едва ли могла вытерпеть это.

– Черт возьми, выкладывай! Ведь нет еще одного проклятия, не так ли?

Пейтон рассмеялся и покачал головой:

– Надеюсь, что нет! Не волнуйся, такого невезения не может быть даже у меня!

– Хорошо, а то на мгновение я подумала… Неважно. В чем же тогда дело?

Смех Пейтона оборвался. Его взгляд снова стал серьезным, и настрой тут же изменился:

– Ну ладно. Хотя я понятия не имею, как тебе это объяснить, но хочу хотя бы попробовать. Моя жизнь… до того, как я встретил тебя… моя жизнь была унылой. Долгие годы проклятия были тяжелыми, но терпимыми. Не было ничего, что я пропустил бы. И после первых лет не имело значения, что я больше ничего не чувствовал. Там была только… пустота. Во мне, вокруг меня… годы, которые бежали только для меня. Потом наступил день, когда я проехал мимо тебя на мотоцикле, и – ну, ты помнишь – все стало по-другому. Ты спасла меня.

Он улыбнулся, но я видела, что он долго не может прийти в себя от того, что так угнетало его.

– Но потом, когда ты вернулась назад во времени, что-то изменилось. С тех пор я как будто заново переживаю прошлое в своих воспоминаниях. Не все. Но решающие изменения, вызванные тобой, ощущаются мной так, как будто я переживаю их только сейчас. Во время проклятия Натайры эти новые воспоминания сохранили мне жизнь, потому что в них присутствовала ты. Я проживаю свою жизнь как будто второй раз… по крайней мере, не напрямую, а как будто я

смотрю фильм о своей жизни, если такое вообще возможно.

Должно быть, мое лицо выглядело слишком озадаченным, потому что он глубоко вдохнул и начал заново:

– Прошлое, которое я пережил, никогда не встречаясь с тобой, было жестоким, но оно прошло – до текущего времени. И тут начинается отклонение.

Он поднял руку и показал мне два пальца:

– В прошлом номер два, очевидно, есть некоторая параллель с настоящим, я встретил тебя и полюбил перед проклятием Ваноры… а затем потерял. Не знаю, суждено ли мне было встретиться с тобой в то время, но это определенно изменило меня. Из-за этого отличается и способ, которым я после этого расправился с проклятием.

Он покачал головой, как будто сам не мог понять, что хотел мне сказать.

– В моих воспоминаниях, в этом фильме, который я не могу остановить и в котором я совершенно беспомощен в тех событиях, которые переживаю, я теперь вижу, насколько действительно я был пустым внутри. Потому что сначала ты показала мне, что такое любовь. Проклятие затронуло меня во много раз сильнее. Я точно знал, что оно будет продолжаться больше двух столетий. Целая бесконечность без любви. В этот раз я знал, насколько долго мне придется так жить. Знать о тебе и не быть рядом… это разрушило то, что осталось от меня после проклятия. И в этом втором прошлом оно продолжает действовать.

Несмотря на яркое солнце, по моей спине пробежал холодок, и я бы с удовольствием прижалась к Пейтону, но боль в его глазах не дала мне сделать этого.

– Пейтон, я…

Он сжал губы, словно стараясь сдержать слова, которые вот-вот вырвутся.

– Нет, выслушай меня. Мое прошлое «я» разрушено, Сэм… Я вспоминаю все здесь и сейчас, и мне приходится беспомощно смотреть на это. – Пейтон пожал плечами и схватил мои руки. При этом на его лице был стыд. – Сэм, *mo luaidh*, я не знаю, как сказать это, но в этом втором прошлом… я теряю веру в нас.

Он молчал. Я ждала, что Пейтон продолжит говорить, но вместо этого юноша устремил свой взгляд в небо, словно пытаясь найти там ответы. Когда я хотела ответить ему, он проникновенно посмотрел на меня, но выражение его лица говорило о замкнутости. Как будто Пейтон специально отгородился от меня.

– Я потерял веру в нас, Сэм. Мне хотелось бы прекратить испытывать это. Просто быть счастливым здесь и сейчас с тобой, но я не могу. С каждым новым воспоминанием о дне, полном пустоты, непролитых слез и потерянной надежды, я чувствую, как во мне растут сомнения. Я не мог больше ни дня терпеть проклятие, Сэм!

Я сглотнула, и мое горло снова сжалось.

– И что это значит, Пейтон? – спросила я. Его страх тащил

меня с собой в бездонную пропасть.

– Мое тогдашнее «я»… тогда я задавался вопросом… – Он колебался. – Почему ты ждала так долго, чтобы рассказать мне обо всем, если ты меня действительно любишь. И я думаю… я думаю… я потерял веру в тебя и в нашу любовь, хотя сейчас понимаю, что ты не могла сделать ничего, чтобы спасти меня.

Он сказал это очень быстро, как будто хотел скорее оставить это признание позади. Пейтон находился в отчаянии и не до конца понимал себя, я видела это, но все равно боль обрушилась на меня со всей своей мощью. Видимо, не хватало, чтобы я сама каждый день раскаивалась в своих поступках! Нет, теперь еще выяснилось, что человек, ради жизни которого я рисковала всем, потерял в меня веру. Какая ирония судьбы… Что теперь нам осталось? Это конец нашей любви?

– И теперь? – спросила я, хотя меньше всего на свете мне хотелось услышать ответ на этот вопрос.

– Я не знаю, Сэм. Я боюсь проснуться и обнаружить, что мои прошлые действия разрушили наши отношения. Не пойми меня неправильно, последнее, чего я хочу, – это причинить тебе боль. Я не хочу тебя разочаровывать. Но ты имеешь право знать, что происходит со мной.

Пейтон вздохнул. Он выглядел совершенно беспомощным. Я не привыкла видеть его таким.

– Я дал тебе клятву и теперь, обреченный бездействовать, должен смотреть, как собираюсь ее нарушить!

– Что ты имеешь в виду?

– Я поклялся любить тебя вечно и умереть с надеждой, что всегда буду достоин твоей любви. Но теперь я вспоминаю, что хотел… хотел, чтобы всего этого не произошло.

Я уже была неспособна трезво мыслить. Как будто должна была сдать домашнюю работу, которую не подготовила, и мне на ум не приходило никакой возможности это исправить. Секунды растягивались у меня в голове на годы. Жужжащая у моего уха муха казалась вертолетом, и солнце танцевало светящейся точкой у меня на веках, когда я моргала. Мне казалось, что меня только что переехал поезд.

– Пойми, Сэм, после того, как ты покинула меня, я не мог с уверенностью сказать, встретимся ли мы снова. Также я не мог знать, удастся ли тебе в будущем спасти меня при помощи крови Ваноры. Единственное, в чем я был уверен наверняка, – это то, что потерял тебя, и с каждым днем мои сомнения в правдивости нашей любви растут.

Хотя я чувствовала, как важно для Пейтона, чтобы я поняла его, мое сердце все равно отказывалось верить его словам. Я так рисковала, чтобы спасти его проклятую жизнь! Он, черт возьми, должен был сделать меня счастливой здесь и сейчас!

Пейтон обхватил меня руками и притянул к своей груди. Его близость обещала безопасность, которой я не чувствовала, и мне хотелось бы, чтобы мы могли все начать с начала.

Я отказывалась признавать, что наше прошлое грозило

разрушить наше счастье. Неужели нам не суждено любить друг друга? Разве нет способа быть счастливыми вместе навсегда?

У меня нестерпимо болела голова, когда на следующий день я отправилась в Авимор. К счастью, машин на дороге было немного, потому что я сама понимала, что мне сложно сконцентрироваться. Мы с Пейтоном проговорили всю ночь, но не продвинулись ни на шаг. Что, судя по всему, вкупе с недостатком сна и вызвало пульсирующую головную боль.

Мысль, которая не отпускала меня еще до нашего разговора, гудела где-то в моей голове, как басы из динамиков, но оставался вопрос: готова ли я ради любви сделать то, чего Пейтон никогда не одобрит?

Я посмотрела на коробку на пассажирском сиденье, и мой пульс ускорился. На крышке было отчеканено: «Серебряные клинки нагорья». Готова ли я рискнуть всем? Как мне набраться мужества?

Опустился туман, и ветровое стекло покрылось маленькими капельками, как во время дождя. Небо впереди предвещало, что погода скоро испортится. На вершинах горных хребтов по обеим сторонам дороги висели серые завесы, которые с каждым километром становились все плотнее. Как будто мой путь лежал сквозь непроницаемое дыхание огромного зеленого чудовища. Были ли горы на самом деле горами, или это огромный дракон прилег вздремнуть? Отвесные

скалы в дымке выглядели как зазубренные шипы, а сочная трава – как блестящие чешуйки. Туман, казалось, окутал меня со всех сторон, и я поехала медленнее – чтобы не разбудить чудовище.

Черт, я ненавижу свою фантазию!

Ким, моя лучшая школьная подруга, была бы счастлива, если бы это действительно оказался монстр, – такая история точно обеспечила бы ей Пулитцеровскую премию. Но так как я не интересовалась сенсационной журналистикой, лучше бы сверхъестественные создания обходили меня стороной. Как и туман!

Я потянулась за телефоном и набрала номер Элисон Лири. До сих пор я не могла дозвониться до нее, но надеялась, что она просто работает в своем маленьком саду с розами и поэтому не слышит телефон. Именно сейчас, когда я боялась оказаться на пути в пасть каменного чудовища, ее голос успокоил бы меня.

Снова слышались гудки, но никто не брал трубку. Через некоторое время я сдалась и пожалела о своем спонтанном решении отправиться в эту поездку. Я надеялась, что материнская забота Элисон и невозмутимость Роя помогут мне разобраться в моих чувствах. В конце концов, я стояла перед серьезным решением.

Немногим позже, практически не заметив этого, я оставила зловещую дымку позади, а вернувшийся солнечный свет прогнал дракона и заставил мою разыгравшуюся фантазию

успокоиться. Во всяком случае, в Шотландии для меня не существовало ничего такого, что невозможно было бы представить. Ведьмы, проклятые бессмертные воины, друиды, превратившие девушек в камень, путешествия во времени… и это было только то, что пережила я сама.

Было не так много людей, которым я могла рассказать свою историю без того, чтобы меня не отправили в психиатрическую больницу. Элисон и Рой являлись двоими из тех немногих, и втайне я задавалась вопросом, а не являются ли они сами частью легенды. Рой, рыжеволосая гора, а не человек, чьи корни восходят к ведьмам с Фэр-Айл, который владел древними знаниями. И его противоположность, нежная, похожая на эльфа Элисон, с которой я с первого момента чувствовала себя в безопасности и которая, казалось, всегда имела представление о том, что будет дальше.

Поэтому меня не очень удивило, что она радостно помахала мне, когда я припарковала машину перед крошечным домиком. Аромат вьющихся роз, под тяжестью которых, казалось, прогибалось здание, приветствовал меня. Золотистая коса Элисон была скрыта под платком, а впереди был повязан яркий разноцветный передник. Свежие пятна от травы на ее джинсах подтвердили мою догадку о том, что она работала в саду.

Я побежала по протоптанной дорожке и обняла ее. Элисон едва доставала до моего плеча, и аромат выпечки, исходивший от ее одежды, напомнил мне запах детства.

– *Fàilte!* – поприветствовала она меня.

– Привет, Элисон. Я боялась, что тебя нет дома.

Она улыбнулась и провела меня через арку из роз к входной двери.

– Я ждала тебя. Ты как раз вовремя, чайник вскипел. Заходи и расскажи мне, что привело тебя так далеко на север.

Что? Она меня ждала? Ну вот опять, легенды, загадки и ставшие уже постоянными мои мурашки на коже!

– Эммм… ждала? Что ты имеешь в виду? Как ты могла знать, что я…

Элисон бросила на меня через плечо насмешливый взгляд и хихикнула.

– Поскольку видения будущего в моем хрустальном шаре крайне ненадежны, я посмотрела на дисплей своего телефона. Я хотела тебе перезвонить, но, похоже, у тебя не было сети, и поэтому я позвонила Пейтону. Он сказал, что ты хотела навестить меня.

Ну отлично, теперь Элисон точно считает меня глупой! Мне уже приходилось смеяться над собой и своими безумными мыслями. Постепенно нервы у меня сдали. Возможно, мне все же нужно было остаться в Делавэре, где самым странным был симпатичный полузащитник, у которого неожиданно появилась симпатия ко мне, невзрачной девушке.

– Ах да, конечно! – попыталась я отмахнуться от своего глупого вопроса и вошла вслед за Элисон в крошечный до-

мик.

Благоухающий букет свежесрезанных цветов на столе принес с собой в маленькую кухню кусочек позднего лета, а разноцветная посуда как будто так и ждала, пока ее используют по назначению. Все это было так приятно, что я сразу расслабилась. Чайник на плите, горячий «Эрл грей» в чашках, а также еще теплые кексы и песочное печенье на старинном блюде излучали волшебство абсолютного покоя.

Я села, пока Элисон смывала землю с рук и снимала фартук. Стол был накрыт на двоих.

– А где Рой? – спросила я, потому что мне обязательно нужно было с ним поговорить. То, что я запланировала, могло вполне пойти не так, как надо. Если кто и знал что-то о рисках, так это спокойный великан.

– Он помогает в доме пастора. Часть старых балок перекрытия нужно обновить, потому что Национальный фонд содействует сохранению старого дома. Церковные метрические книги со всей Шотландии поступают сюда, потому что необходимо изготовить копии, чтобы дать возможным посетителям ознакомиться с ними. Каждый день прибывает новая церковная книга, но строительные работы еще ведутся. – Элисон покачала головой, сетуя на плохую организацию работ. – Рой помогает там, где может. Ты знаешь, пыльные книги, древние церковные записи… Ему хотелось как можно скорее предложить свою помощь. Надеюсь, ты ничего не ела, потому что шоколадные кексы только из духовки.

– Нет, я с самого утра в пути, и мой желудок начал урчать, когда я еще проезжала Питлохри.

– Тогда хватай скорее кекс, Сэм.

Она села, и мы болтали о шотландской погоде, нашей новой квартире и текущем школьном проекте Роя, уплетая печенье. Элисон понравилась салфетка, которую я принесла ей. Она пообещала бережно относиться к ней. Наконец, когда чашки опустели, а последние крошки были съедены, она сложила руки на коленях и выжидающе посмотрела на меня:

– Итак, Сэм, ты не хочешь рассказать мне, что происходит? Я же вижу, что тебя что-то угнетает.

– Сейчас я просто плыву по течению. Прошлый год был по-настоящему жестоким. Может быть, мне поможет, если я поговорю об этом с Роем.

Я надеялась, что Элисон не обидится, что я предпочла довериться ее мужу, но ее улыбка тотчас успокоила меня.

– Ах, Сэм! Если тебе тяжело на душе, не стоит сидеть здесь и составлять мне компанию. Если хочешь, можешь просто пойти к дому пастора и поговорить с Роем. Думаю, он вряд ли скажет тебе «нет» в перерыве, особенно если ты принесешь ему кексы.

Мне стало гораздо легче, и теперь я не могла дождаться, чтобы излить Рою свою душу. Он наверняка укажет мне способ, как снова взять мою жизнь в свои руки. С тарелкой, полной выпечки Элисон, в руке я побежала коротким путем вверх по холму.

Дом священника представлял собой простое здание в конце улицы. Поверх коричневой кирпичной кладки был нанесен слой краски больше, чем нужно, а на оконных арках шелушился белый лак. Две ступеньки перед распахнутой входной дверью были обшарпаны и побиты по краям.

Я неуверенно вошла и прислушалась. Из-за строительных и уборочных работ едва ли можно было что-то узнать.

– Есть здесь кто-нибудь? Рой?

Ничего.

Ну замечательно, и что теперь? Я бросила через плечо взгляд на дорогу. Снаружи было так же тихо и безлюдно, как и здесь. Я нерешительно огляделась. На скрипучих половицах оставались белые следы. Строительная пыль, по-видимому, распространилась по всему дому, и рабочие переносили ее из комнаты в комнату. Даже в падающем через окна свете плясала пыль, превращая лучи в осязаемый дождь из золота.

Непроизвольно я подошла ближе. Свежевыкрашенные стены между окнами уже украшали старинные портреты, хотя несколько картин еще ждали, чтобы занять свое окончательное место. На противоположной стороне во всю стену тянулся книжный шкаф, который был не очень хорошо закрыт пленкой. Как в библиотеке, маленькие таблички с указанием года на полках показывали местоположение отдельных записей. На старом дощатом полу громоздились еще какие-то церковные записи в картонных коробках. Не совсем

правильное хранение старинных трудов.

Я поставила тарелку и наугад вытащила одну из тяжелых книг. Слой пыли на кожаном переплете показывал, что пленка вряд ли выполнила свое предназначение.

Церковный реестр 1822–1856. Я осторожно перелистнула несколько первых страниц. Казалось, сам воздух между страницами источал аромат прошлого.

Здесь скрупулезно были продатированы и записаны все роды, свадьбы и похороны. Я удивилась, как часто можно было увидеть имя Макдональд. Дональд Макдональд бесчисленное количество раз рождался, женился или был похоронен. Покачав головой, я задалась вопросом, а где же индивидуальность или понятность.

Читал ли кто-нибудь эти строки после похорон Эрин Макдональд 18 октября 1822 года – последняя запись на этой странице? Это напоминало путешествие во времени – представить, как перо священника вносит имя Эрин в реестр перед лицом скорбящей семьи. Боль от потери матери, жены или дочери казалась почти осязаемой, и я почувствовала себя незваным гостем.

Я положила книгу на место и взяла один из кексов. Наверняка скоро появится кто-нибудь из рабочих. Вполне можно подождать еще несколько минут, прежде чем отказываться от своей надежды на проясняющую беседу с Роем и отправиться в обратный путь.

Шоколад таял у меня на языке, и я подошла к картинам

между окнами. Деревянные половицы скрипели от моих шагов. Наверное, они были такими же ветхими, как и балки на крыше. Пыль, мерцающая в солнечном свете, придавала комнате высоту и танцевала перед картинами, когда я подходила к ним.

Под каждым портретом была прикреплена небольшая табличка, на которой была информация о человеке, его деятельности или происхождении картины.

Я посмотрела на первый портрет. На нем была изображена девушка лет пятнадцати.

Линн Эрскин, 1737, дочь Джеймса Эрскина, позднее жена Алека Элфинстона.

Девушка выглядела неуверенной, и я подумала, как долго ей пришлось сидеть в качестве модели для этого портрета. Сине-белые рукава ее платья хорошо сочетались с затененной синевой фона изображения, а бледно-голубая заколка на белокурых локонах завершала цветовую композицию. Ее губы и покрасневшие щеки были единственными теплыми красками в этом очень прохладном изображении.

Я посмотрела на следующую картину. На ней был изображен мужчина с пышной шевелюрой – или это парик? Даже парни из рок-групп 80-х с их прическами выглядели бы жалко на фоне первого графа Портмора. На нем были блестящий нагрудник и шейный платок, завязанный под двойным подбородком. Поза выглядела победоносной и напоминала мне язык тел близнецов Дугаля и Дункана Стюартов. Мне

сразу стало тошно, когда я вспомнила время, проведенное в плену у этих предателей.

Я быстро прошагала дальше вдоль стены. В целом это было красочное смешение шотландской истории. Как раз в тот момент, когда я подумала о том, долго ли мне еще ждать Роя, кое-что бросилось мне в глаза.

– Что за… – выпалила я и подошла ближе к следующей картине. Я подняла руку к холсту и дрожащими пальцами провела по старой масляной краске. Сердце стучало в ушах как барабан, а угощение Элисон вдруг стало камнем в желудке, пока я пыталась понять, что же я увидела.

Я покачала головой и снова провела по блестящему, увековеченному в масле лицу женщины на портрете. Другая рука потянулась к моему горлу.

Мне часто говорили, что я вылитая Кэмерон, но эта женщина выглядела как мой двойник – точь-в-точь как я! Это невозможно. Совершенно невозможно.

Под белой вуалью и темными кудрями золотистой и белой краской была увековечена сама судьба. Маленькая и большая жемчужины в простой золотой оправе, мать и дитя, объединились навсегда.

Черт, ну вот опять такой момент, который переворачивает все с ног на голову! Ну почему именно моя жизнь полна подобных происшествий? Я была практически неспособна дышать, так сильно от волнения сжалась грудь, и казалось, что я могу задохнуться от мельчайших частиц пыли в воздухе.

То, что я увидела, было совершенно немыслимо!

«Шотландская жена в день свадьбы, 1741» – значилось на табличке. «Шотландская жена в день свадьбы», – эхом раздалось в моей голове.

Я лихорадочно пыталась понять, что же это может означать, но казалось, что прошла целая вечность, прежде чем мой мозг снова начал работать. День свадьбы, день свадьбы… эти два слова звучали как припев навязчивой песни и перекрывали мои мысли.

1741. Я снова остановила свой взгляд на цифрах, обозначающих год, и потерла висок, стараясь мыслить яснее.

Дрожащими пальцами я расстегнула одну из своих сережек и поднесла ее к портрету. Я не ошиблась. Озадаченная, я посмотрела на дверь. Где же Рой, черт возьми? Мне срочно нужны были ответы! Сережка жгла мне ладонь, так сильно мне нужно было логическое объяснение.

1741. Я снова покачала головой. Этого не может быть… это же какое-то сумасшествие! Скорее всего, мое воображение сыграло со мной злую шутку.

– Кто же ты? – пробормотала я. – И какого черта у тебя мои сережки?

Я обернулась, и ответ лежал прямо передо мной. Церковные записи! Я быстро водила пальцами по табличкам с указанием года на полках, пока не нашла то, что искала, – церковные записи 1735–1767.

– Ты должна быть здесь… – прошептала я, листая страни-

цы. Внезапно даже этот простой поиск показался мне невыносимым.

Картина была написана в 1741 году. После той кровавой расправы! Но в то время Кэмеронов уже не осталось. Кто же эта женщина? Может, это Изабель Кэмерон, моя прародительница, о которой мне рассказывал Пейтон? Или сходство – это чистая случайность? Единственное объяснение, которое пришло мне в голову, я изо всех сил попыталась не принимать во внимание и затолкнуть обратно в глубины своего разума. Я просто отказывалась допускать даже мысль об этом.

Я выругалась и перелистнула еще несколько страниц, пока не дошла до 1739-го. Это раньше, чем нужно было, но мне не хотелось упустить что-то из виду, поэтому я прочитала все имена, которыми была заполнена страница. В глазах у меня потемнело, и мне пришлось перечитывать некоторые строчки по несколько раз, так сильно я была взволнована.

Действительно, только на второй раз мне на глаза попалась запись: «Вступление в брак, 1741».

– Черт побери! – вырвалось у меня.

Внезапно книга стала весить будто целую тонну и скользнула вниз из моих обессилевших пальцев. Мой взгляд все еще был сфокусирован на имени в этой строке, когда книга с глухим звуком упала на пол.

У меня перехватило дыхание. После такого шока дышать для меня казалось чем-то невозможным, и мир вокруг меня

начал вращаться.

– Дыши! Проклятье! Саманта Уоттс, дыши, иначе снова упадешь в обморок, – сказала я сама себе, чтобы держать себя в руках, и с дрожащими губами последовала собственному совету.

Я сделала шаг назад, словно реестр в кожаном переплете был шипящей змеей, которая только и ждала, чтобы вонзить свои ядовитые зубы в мою плоть. И хотя от книги не исходило реальной угрозы, меня охватил холодный ужас.

Здесь, среди этих исторических обычаев, была написана сама судьба. Я столкнулась с доказательствами, которые я всегда считала такими чертовски полезными. Но если эти строки действительно служили доказательством, почему я никак не могла поверить в то, что было написано передо мной черным по белому?

Снова я покачала головой и сделала шаг назад. И еще один. Прежде чем я успела опомниться, я выскочила через дверь на улицу и побежала вниз по склону холма, при этом перед глазами все еще стоял образ улыбающейся невесты. Я достала из кармана телефон и, задыхаясь, распахнула дверь машины. Мой взгляд упал на коробку на пассажирском сиденье.

– Это я… мы должны встретиться! Немедленно!

Глава 6

Кладбище рядом с Auld a´chruinn, наши дни

Земля под его ногами была влажной от ливня, обрушившегося несколько часов назад на вершины пяти сестер Кинтайла. Аласдер поднял глаза и посмотрел на небо. Он почувствовал на губах давно забытый поцелуй Натайры.

«Поверь мне, викинг… нашей боли больше не будет, и наше время придет. Мы воссоединимся», – утверждала она, как будто знала будущее. Будущее, которое он отвоевал бы для них обоих.

Мужчина моргнул. Натайра была права. Он находился здесь сегодня, именно так, как она и предсказала ему. Осторожно ступая, он прошел через распахнутые кладбищенские ворота и окинул взглядом могилы. Будет ли когда-нибудь так, как она уверяла? Это вообще возможно?

Подобно армии каменных воинов, надгробия несли свою вечную службу на страже душ усопших. Достойное место для того, чтобы встретить свою судьбу, как ему казалось. Его рука на рукояти меча расслабилась. Аласдер почувствовал себя готовым последовать зову Натайры. Сердце викинга слишком долго отрицало свое предназначение.

Воин внутри него ликовал, желая поднять свой меч к небу и с криком броситься в бой. Словно почувствовав его непреодолимое желание, Вселенная ответила ему ветром, который

принес с собой ни с чем не сравнимый запах нагорья. На берегу озера Даич пахло травой, дождем и прошлым.

Натайра была как ветер. Не какой-нибудь нежный бриз, а неистовый шторм. Сильная и неукротимая, дикая и неудержимая. Именно так она и покорила его. Аласдер уверял ее, что больше никогда не поднимет свой меч ради женщины, – и ошибся. Слишком долго ему пришлось оставаться без ее любви. Смерть отняла у него Натайру, и он больше не мог без нее жить. Он хотел быть рядом с ней навечно, чтобы они наконец воссоединились.

Дневной свет медленно угасал – время пришло. Небо начало менять свой цвет, а горы, у подножия которых лежало кладбище, превратились в черных гигантов. Первые клубы тумана поползли над берегом и протянули к нему свои холодные лапы. Аласдеру нравилось это.

Туман господствовал в нагорье, так же как и на его северной родине. Под его покровом совершались нападения и убийства – и то и другое было привычно ему, как и меч в его руке.

Он шагал позади оставшихся стен бывшей часовни, высотой в человеческий рост, прислоняясь к влажному камню и сливаясь с вечерними тенями, которые отбрасывал старый тис. Это было не случайно. Эох – его руна – наконец-то показала ему это. Наступило время отпустить все и начать заново. Ворона взвилась в воздух и приземлилась напротив мужчины на надгробие. Наклонив голову, она посмотрела на

него. Его меч отразился в ее черных глазах, прежде чем она с криком поднялась в небо.

* * *

Auld a´chruinn – место, куда я поклялась больше не возвращаться. Ужас крепко впился в меня своими когтями, когда я заглушила двигатель и посмотрела вперед. В свете фар казалось, что туман на мгновение обрел форму, прежде чем снова превратиться в танцующую дымку. Я включила обогреватель, но холод уже забрался слишком глубоко и не хотел меня отпускать.

Зачем я пришла сюда? Почему это место, после того как я увидела ту запись в церковном реестре, манило меня каким-то магическим образом? Должно быть, я совсем с ума сошла, раз последовала за этим импульсом.

Несмотря на это, я решительно схватила кинжал и поднесла лезвие к своему лицу.

Встреть свою судьбу – эти слова, казалось, стали девизом всей моей жизни.

Вот только как мне объяснить Пейтону то, что я обнаружила? К счастью, ему понадобится еще некоторое время, чтобы добраться сюда из Эдинбурга. Я бросила взгляд в зеркало заднего вида и с трудом узнала себя. Я выглядела так, словно увидела привидение. Я усмехнулась. Это было бы уже слишком. Я открыла дверь и вышла, а клинок был крепко

зажат в моей руке.

– Никаких призраков, только лишь прошлое, – пробормотала я, направляясь к кладбищу. – Или все-таки будущее?

Слова из церковной книги снова зазвучали у меня в голове, и образ невесты отчетливо встал перед глазами.

Та картина привела меня к этому месту, направила мои шаги и теперь вела прямо к мемориальному камню пяти сестер. Я не боялась камня, который перенес меня сквозь время, потому что знала: для открытия портала времени нужна кровь. Цветы на розовых кустах не распустились, но, как и прошлой осенью, я насчитала пять бутонов – по одному на каждую дочь друида.

Автомобильные фары отбрасывали две слепящие полосы света на полуразрушенное кладбище, пробуждая к жизни зловещие тени. Мне казалось, что где-то в мрачных закоулках этого кладбища подстерегает беда и только и ждет, чтобы довести меня до погибели.

Я должна рассказать Пейтону о том, что увидела, – даже если я знала, что это означает для нас, потому что, несмотря на то что я сама себя упрекала, была одна вещь, которую я не могла ему простить. Я всхлипнула. Почему у меня всегда так противно горит горло, когда хочется проглотить слезы?

Это не имело никакого отношения к тому, что произошло в ночь кровавой расправы. Мне причиняло боль не его участие в убийстве моих предков, а нечто другое. Когда-то он дал мне клятву любить меня всегда, Пейтон заверил меня в

своем прощении, даже если бы мне не удалось его спасти. Только теперь я поняла, что он не может простить мне то, что я бросила его и спасла. Именно этого я и боялась: он обнаружил, что должен заплатить за мою любовь слишком высокую цену! Черт возьми, казалось, что в конечном счете мы все же проиграем самый важный бой.

Именно поэтому я и была здесь?

Я закрыла глаза, пытаясь вернуть контроль над своими разбушевавшимися чувствами. Только я собиралась протянуть руку к памятнику, как кто-то схватил меня за руку.

Я почувствовала его, узнала его еще до того, как он обернулся, – Аласдер Бьюкенен!

Великан поднял свой меч, направив острие прямо в мое сердце, и с любопытством разглядывал меня.

Он был абсолютно спокоен. Мужчина точно знал, что я не представляю для него никакой опасности, несмотря на то, что держу в руках кинжал.

– Меня удивило, что я в самом деле вижу тебя здесь, – сказал он с чем-то вроде восхищения в голосе.

– Что ты имеешь в виду? – спросила я. Неужели он хотел сказать, что ждал меня?

Аласдер не удостоил меня ответом и вместо этого указал на мое оружие:

– Славный клинок. Но ты вернешь его обратно в ножны, если не хочешь, чтобы я забрал его у тебя, – сказал он скучающим тоном, как будто мы говорили о погоде.

Я сжала холодную сталь крепче.

– Что?

Он коснулся своим клинком моего:

– Убери его! То, что должно произойти дальше, ты не захочешь встретить безоружной, – примирительно сказал он.

Я сглотнула. Если бы только я могла справиться со своим страхом… Я должна быть в ясном уме, черт побери!

– Понятия не имею, о чем ты говоришь, – пояснила я, хотя предпочла бы не выяснять, что именно он имел в виду. У него явно не все в порядке с головой. Этот парень ошибался, о чем свидетельствовало его встревоженное выражение лица.

– Я не знаю, какими силами владела Натайра. Но много лет назад она пророчила нам совместное будущее. Мне потребовалось много времени, чтобы понять, как достичь этого будущего, хотя ее уже нет в живых. Если честно, я уже почти перестал верить в это. Тем более удивительно, что все это время она была права, не так ли?

– Натайра? – недоверчиво спросила я. Не может быть, чтобы эта проклятая ведьма снова угрожала моей жизни. Нет! Этого не может быть снова! Черт, почему я окончательно не проснулась от этого ужасного кошмара?

Жесткий смех Аласдера напоминал удар хлыста, который заставил кровь застыть у меня в жилах.

– Что же тебе надо от меня? – воскликнула я, разъяренная и отчаявшаяся одновременно. Если он хочет убить меня, то

пусть попробует, но стоять здесь и говорить о Натайре совершенно абсурдно! По-видимому, Аласдер лишился рассудка!

– Я скажу тебе, что будет. – Он откинул с лица свои светлые волосы. – Я могу отомстить за ее смерть. Ей бы это понравилось. Она была женщиной всей моей жизни, и ты отняла ее у меня.

Медленно он подошел ближе, а его меч все еще был направлен на меня.

– Стой! – Я подняла кинжал выше и отпрянула назад. – Ты же знаешь, что я ничего ей не сделала! Кроме того, ведьма не вернется обратно! – собралась с силами я и ответила ему.

Аласдер в самом деле остановился, но не из страха, а потому что смеялся надо мной.

– Глупое дитя! Я сказал, что могу отомстить… но это было бы слишком… просто. Вместо этого ты поможешь нам с Натайрой воссоединиться.

Я отступила еще на шаг, но памятник пяти сестрам преградил мне путь назад. Я снова подняла кинжал перед собой для защиты.

– И ты еще называешь меня глупой? Ты сам себя слышал? Она мертва, я не могу помочь вам воссоединиться, если только ты не последуешь за ней в ад!

Глаза Аласдера сузились, и он подошел еще ближе.

Господи, да он такой же сумасшедший, как и его женщина! Мои зубы стучали, так сильно я дрожала, но наконец адреналин, бегущий по моим венам, подстегнул мои мысли.

Картина, церковные записи, сережки… Мне нужен был выход из этой ситуации, я должна найти его!

Думай, Сэм, черт возьми, думай!

– Если мне придется пройти весь этот путь, чтобы быть с ней, то клянусь всеми старыми богами, я заберу тебя с собой в ад! – Он посмотрел на меня и продолжил: – Я наслаждался тем, что мой клинок отнимает жизнь. Запах крови и тлеющие искры жизни в глазах. Но я думал, что время изменило меня. – Аласдер на мгновение поднял взгляд к небу, прежде чем продолжить: – Я ошибся, когда предположил, что жизнь без нее будет менее болезненной. По правде говоря, только проклятие заставило меня поверить в это. Я все еще люблю ее. И точно так же я люблю убивать ради нее.

Я почти не слушала его.

1741-й, сережки, памятник, мой кинжал…

Почему я не могла собраться с мыслями? Шанс на спасение есть, он должен быть!

– Я понимаю тебя, – попыталась я достучаться до него. – Кто бы не был готов на все ради любви? Я сама…

Памятник, кинжал, кровь…

– Заткнись! Ты не знаешь ничего! Я готов сделать все для Натайры… но я хочу снова испытать любовь! И ты поможешь мне, или никто из нас не покинет это кладбище живым. Натайра знала, что все это время я любил ее. Руны сказали мне, что я держу в руках игральные кости своего счастья. – Аласдер рассмеялся. – Ты знаешь, что говорится в

старой пословице: «Игральная кость, которую не бросили, всего лишь кубик с точками». Только бросив кость, ты позволяешь судьбе предоставить тебе случай. Я брошу кости ради своего предназначения! Поэтому ты сделаешь то, что я тебе скажу, или…

– Она мертва! – уточнила я еще раз, на случай если он забыл. Однако мужчина просто кивнул.

– Сегодня она мертва, – согласился он. – Но я слышал, что ты можешь пройти сквозь время.

Я сглотнула. Вот он, выход.

– Ты вернешься и предотвратишь проклятие Ваноры, чтобы мы с Натайрой могли наконец воссоединиться, – решительно потребовал он, приставив меч к моей груди.

– Я не могу. Я понятия не имею, как работает эта штука с путешествиями во времени, но это что-то вроде двух параллельных линий. Если сегодня вернусь в прошлое, то, наверное, опоздаю почти на год. Один раз я уже пыталась предотвратить проклятие, но все, что у меня получилось сделать – или не получилось, – только привело… ко всему этому.

Аласдер перебил меня. Он равнодушно покачал головой и пожал плечами, как будто это не его проблема.

– Тогда ты должна снова разрушить проклятие, или я убью твоего любимого Пейтона. Будет жаль, если все это напрасно.

– Натайра должна была умереть, чтобы положить этому конец, так чего именно ты хочешь от меня? Ты хочешь, что-

бы я позаботилась о том, чтобы она умерла раньше?

Аласдер толкнул меня на землю и рассмеялся так громко, что с верхушки дерева взлетела ворона и слилась с ночным небом.

– Неужели ты думаешь, что у тебя есть на это власть?

Казалось, мысль об этом очень развеселила его, потому что он даже опустил свой меч.

– Ты дура, но должен признать, что у тебя есть мужество. Если бы это было не так, то этого разговора не было бы, а мы оба уже лежали бы мертвыми здесь, в поле.

– Какого черта тебе нужно? – снова спросила я, и мне было все равно, что он видит, как я плачу.

Острие его меча уперлось в мою грудь.

– Ты поможешь мне. Ты будешь моим Имболком, моим новым началом, моим факелом – моей руной Кеназ.

Я ни черта не понимала, но казалось, что Аласдер больше говорил сам с собой.

– Я даю тебе выбор: приведи в порядок то, что ты натворила. Убедись, что мы встретимся снова… – Он прижал клинок к моей коже, и я отпрянула назад от боли. – …или я завершу свое одинокое существование здесь и заберу тебя с собой.

– Поверь мне, Аласдер, я больше всех сожалею о том, что случилось с вами двести семьдесят лет назад. Я хотела бы, чтобы был способ избежать всего этого… даже в отношении себя самой.

– Ты факел, который подожжет страницы судьбы. Ты уни-

чтожишь то, что уже написано, и это будущее… – он обвел рукой вокруг себя, – не наступит. Если ты этого не сделаешь, я убью тебя и всех, кто будет рядом с тобой. И это подарит мне покой, Саманта, в этом можешь быть уверена.

Я поверила ему. Если я что и знала об Аласдере Бьюкенене, так это то, что он был человеком, который не шутит. Что это значило для меня? Была ли его жестокая угроза стимулом, который оказался нужен мне, чтобы сделать то, о чем он просил? Осуществить то, что уже много дней не выходило у меня из головы?

Я всегда задавалась вопросом, смогу ли набраться смелости, чтобы снова пройти через время и вернуть смысл в прежнее унылое существование Пейтона – если это вообще возможно.

Конечно, я не думала, что будет достаточно немного покрутиться вокруг Пейтона и вызвать какую-нибудь угрожающую ситуацию, чтобы он был готов пожертвовать своей жизнью ради меня, тем самым разрушив проклятие. Это наверняка будет гораздо сложнее и опаснее.

Мне было сложно представить себе возросшие риски того времени. Кроме того, существовала вероятность, что чувства Пейтона ко мне угасли.

Чтобы выдержать все это, требовалось больше мужества, чем я предполагала до сих пор. Когда я действовала по своей воле, это могло мне стоить любви Пейтона. С другой стороны, Аласдер угрожал жизни всех, кто был близок мне. В том

числе и Пейтону.

Принял ли это решение именно Аласдер? Может быть, он просто помог мне примириться с моим предназначением?

– Почему ты доверяешь мне свое будущее? – спросила я, потому что не могла поверить, что он отдаст свою жизнь в мои руки.

Аласдер убрал меч обратно в ножны, но от этого не стал выглядеть менее опасно.

– Руна Кеназ говорит, что знание – это сила и ответственность. Ты своими глазами видела, что было – и что есть. Ты обладаешь знаниями, а значит, обязана использовать свою силу во благо.

Я горько рассмеялась. Если бы я действительно хотела сделать доброе дело, я должна была бы вонзить кинжал в грудь этому человеку, это было ясно.

– Не смейся! – крикнул он на меня. – Разве ты не видишь, что все мы – Ванора и Натайра, Каталь и его братья, Росс и все Кэмероны – тоже жертвы? Конечно, я угрожаю тебе и твоей семье, но те перемены, которых я желаю, – к лучшему. Так что делай, что я говорю, и я позволю тебе пройти сквозь время. Подумай об альтернативах! – Он положил руку на рукоять меча, и я сглотнула. – Тебе решать!

Холод пронизывал меня насквозь, и казалось, будто время бежит гораздо быстрее, чем обычно. Каждый вздох я делала с такой бешеной скоростью, что кислород как будто был израсходован еще до того, как достигал моих легких.

Предположим, я подчинюсь его непонятному требованию, что бы оно ни означало.

Мой мозг не мог охватить всех последствий такого поступка, но я уже знала, что Аласдер получит то, чего хочет. В конце концов, сегодня я держала в руках доказательство правдивости его слов. И на самом деле это и привело меня сюда.

Я верила в то, что видела собственными глазами в Авиморе, поэтому глубоко вдохнула и предоставила себя своей судьбе – такой, какой она была мне предопределена. Решение принято.

Я выпрямилась, шагнула ближе к Аласдеру и твердо посмотрела ему в глаза. Я отразилась в его зрачках, но там была не та растерянная девушка, которая покинула Эдинбург сегодня утром в поисках ответов. Там стояла молодая женщина с решительным выражением лица. Готовая бороться и никогда не сдаваться. Женщина, которая знала, чего хочет.

Великан снова вытащил свой меч.

– Ты потратила достаточно времени впустую. Иди к памятнику и делай то, что нужно, или…

Я подняла кинжал и направила его точно в направлении горла Аласдера.

– Не дави на меня! Я тоже сама кидаю кости своей судьбы, викинг! – четко сказала я и подошла к памятному камню.

Аласдер схватил меня и повернул к себе. Его дыхание коснулось моего лица, и я почувствовала его сердцебиение, так

близко он стоял ко мне. Мужчина вложил что-то в мою руку.

Прежде чем отпустить меня, он прошептал:

– Я делаю это из любви, Саманта. Ты не мой враг и никогда не была им, но моя жизнь принадлежит Натайре. Передай ей это от меня!

Дрожа, я раскрыла ладонь: серебряный кулон на кожаном ремешке. Я сунула его в карман джинсов и сжала свой кинжал так крепко, что костяшки пальцев побелели. Я быстро полоснула острым лезвием и тут же почувствовала болезненный порез.

– Не беспокойся, Аласдер, – заверила я его. – Я передам ведьме твой подарок, а затем убью ее!

Я прижала свою кровоточащую руку к камню и была почти рада, когда золотое свечение унесло меня в мучительно яркую глубину.

Темнота окутала меня, как спасительное одеяло. Прохлада ночи погасила яркое свечение моих конечностей, а влажный воздух успокаивал при каждом спасительном вдохе мои выжженные светом легкие.

Я дрожала. Что же я наделала? Неужели я снова переместилась во времени? Прежде чем впасть в панику от этой мысли, я вытеснила ее в глубину своего сознания и сосредоточилась на самом необходимом – дыхании и подавлении надвигающегося обморока.

Сквозь боль я приоткрыла глаза, что стоило мне больших усилий, и пыталась разглядеть во мраке знакомые очертания.

Я чувствовала себя так, словно упала в лифте в пропасть. Как будто сквозь мои кости прошла раскаленная сталь, а от столкновения с землей разрывался каждый внутренний орган.

Мой следующий вдох был преисполнен благодарности. Радость от того, что я все еще жива, волнами наполнила мою кровь эндорфинами и помогла подняться. Неуклюже я встала на четвереньки. Влажная трава и острые камни под руками привели меня в чувство, и страх слегка притупился. Кроме того, глаза постепенно привыкали к темноте.

– Все будет хорошо… – попыталась я утешить себя. Или просто соврать самой себе.

Все будет хорошо? Что за чушь! Я снова отправилась в прошлое и не знала, где я… а вернее, когда.

В последний раз, когда я через это проходила, творились ужасные вещи и опасность казалась моим постоянным спутником. Как пережить это снова?

Только та запись в церковной книге сохраняла веру в лучшее и оправдывала оптимизм. По крайней мере, сегодня я не умру, и хотя бы в этом плане моя жизнь в порядке.

Я убрала с лица волосы и опустилась обратно на мокрую траву. Путешествие во времени лишило меня сил, и свинцовая усталость заслонила собой даже страх перед моей невыполнимой задачей. Луна медленно ползла по небу, ветер нагорья пел мне свою древнюю песню, и в одном можно было не сомневаться: у подножия пяти сестер Кинтайла еще бы-

ла надежда на любовь, которая сильнее времени и пространства.

Мне вспомнились слова Аласдера. Неужели я и была тем факелом, от которого займется пламя страниц истории, чтобы написать ее заново? Неужели путешествие с помощью памятника вновь привело меня в 1740 год? Или во время, когда проклятие уже свершилось, как я и подозревала? Найду ли я силы для того, чтобы снова решить эту задачу?

В темноте мой взгляд блуждал по памятному камню пяти сестрам. Еще долго смотрела я на него, прежде чем ровный шум ветра унес меня в царство снов.

Глава 7

На берегу озера Даич, сентябрь 1741

Я снова проснулась в тумане, который казался таким густым, что едва ли можно было разглядеть руку перед собой. Как призрак, навис он над берегом озера и спрятал пять вершин. Каждый птичий крик, каждая набегающая на берег волна звучали так, словно в моих ушах была вата. Кусты, окружавшие меня, казались в этом неясном свете сгорбленными фигурами, и мне стало холодно. Влага проникла сквозь мою одежду, холодная утренняя роса впиталась в мою обувь.

– Это туман. Всего лишь туман… – У меня вошло в привычку разговаривать с самой собой для успокоения. Я слишком хорошо помнила панику, накрывшую меня, когда я последний раз проснулась в таком непроглядном тумане. Как и тогда, я не могла позволить страху парализовать меня. Нужно сохранять хладнокровие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.